

A black, sleeveless, floor-length dress hangs from a wooden hanger on a metal rod. The background is a textured, light-colored wall with a door handle visible below the dress. The lighting is dramatic, casting shadows.

КОГДА
НАС ЛЮБЯТ,
МЫ ВСЕГДА
СТАНОВИМСЯ
ЛУЧШЕ

**МЭГГИ
О'ФАРРЕЛЛ**

ТАМ, ГДЕ
ТЕБЯ ЖДУТ

Истории о нас

Мэгги О`Фаррелл
Там, где тебя ждут

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

О`Фаррелл М.

Там, где тебя ждут / М. О`Фаррелл — «Эксмо»,
2016 — (Истории о нас)

ISBN 978-5-04-090896-7

Знакомьтесь, Дэниел Салливан – уроженец Нью-Йорка, нашедший приют в дебрях Ирландии и запутавшийся в лабиринте собственной жизни. Он вынужден на время покинуть любимую жену Клодетт и отлучиться из дома, но не знает, что делать, как поступить. Навестить взрослых детей от первого брака, которых не видел долгие годы? Пересечь океан ради юбилея отца, которого он ненавидит? А может быть, решиться на отчаянный шаг и постараться найти ответ на вопрос, который мучает и терзает душу вот уже двадцать лет? Решив сделать все сразу, Дэниел отправляется в рискованное путешествие, чтобы попытаться разобраться в собственном прошлом. Но сможет ли он вернуться обратно?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-090896-7

© О`Фаррелл М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

На редкость странное ощущение в ногах	7
Я не актриса	30
Сноски внизу страницы	37
Все оказалось потрясающе просто	46
Что должен чувствовать слесарь	66
Достаточно синевы для оптимизма	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мэгги О'Фаррелл

Там, где тебя ждут

Maggie O'Farrell

THIS MUST BE THE PLACE

Copyright © 2016 Maggie O'Farrell

Фото автора © Ben Gold

© Юркан М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Мэгги О'Фарелл создает пронзительные и вдохновляющие истории о человеческих судьбах. Поиск места в жизни, отношения с близкими и, конечно, любовь — вот темы ее творчества. При этом романы О'Фарелл, написанные прекрасным языком, неизменно отличаются захватывающим сюжетом. Она умеет сопрягать несколько жанров и обладает редким даром не только завоевывать внимание читателя, но и удерживать его до последних страниц. Шотландская писательница удостоена премии Коста (Costa Book Award) и Сомерсета Моэма (Somerset Maugham Award) и, кроме того, занимает престижную должность заместителя главного редактора «The Independent on Sunday».

***

Посвящается Вилмосу

*Мир безумнее, даже безумнее, чем нам кажется,
В своей обреченности на пестроту.*

Луис Макнис, «Снег»¹

---

¹ Луис Макнис (1907–1963) – английский писатель и поэт ирландского происхождения.

На редкость странное ощущение в ногах

Дэниел, Донегол, 2010

Жил-был человек.

Он стоял на крыльце, скручивая сигарету. Погода в тот день, как обычно, была переменчивой, благотворной для пышно разросшегося сада, ветви деревьев отяжелели, напоенные влагой непроходящих дождей.

Жил-был человек, и этот человек – я.

Именно я стоял на крыльце с портсигаром в руке, глядя в сад, приглядываясь к какому-то силуэту вдаль, возле ограды, где теснились осины. Там стоял другой человек.

Экипированный биноклем и фотокамерой.

«Орнитолог-любитель, – мысленно предположил я, проведя языком по папиросной бумажке, – они частенько заглядывали в наши края». Но в то же время, что я думал на самом деле? «Много ли птиц он увидит в этой северной долине?» – задался я вопросом, озабоченно вспоминая, где сейчас находится моя жена с малышом и нашей дочкой. Быстро ли, в случае необходимости, я смогу добраться до них?

Удары моего сердца резко участились, оно глухо билось о ребра. Я искоса глянул на белесое небо. Не пора ли спуститься в сад? Мне хотелось дать понять этому парню, что я увидел его, пусть он осознает, что его заметили. Мне хотелось, чтобы он и сам оценил мою статную, спортивную фигуру с рельефными атлетическими мускулами (ставшими, надо признать, в последнее время слегка рыхловатыми и ослабевшими). Мне хотелось, чтобы он осознал свои шансы против моих. Ему же не известно, что я в жизни не участвовал ни в одной драке, намереваясь и в дальнейшем придерживаться такой же линии поведения. Мне просто требовалось, чтобы тот чужак почувствовал то, что обычно чувствовал я сам до того, как мой отец вымущивал меня. «Я выбью из тебя дурь», – бывало, говорил он, направляя указательный палец сначала на свою грудь, а потом на мою.

«Я выбью из тебя дурь», – хотелось крикнуть, нашаривая в кармане станочек для скрутки сигареты и зажигалку.

Этот парень направил бинокль на наш дом. Потом я заметил солнечные отблески на окулярах, он взмахнул рукой, возможно отбрасывая волосы со лба или открывая затвор объектива.

Далее почти одновременно произошли два события. Из двери за моей спиной выскочил и пролетел мимо меня лохматый, длинноногий и слегка страдающий артритом волкодав, обычно спавший у печки, а из-за угла дома появилась женщина.

С ребенком за спиной, головой, покрытой капюшоном зюйдвестки, в которых щеголяют рыбаки Северного моря, и с увесистым дробовиком в руке.

Более того, она – моя жена.

К последнему факту я все никак не могу привыкнуть, не только потому, что мысль о том, что это создание согласилось выйти за меня замуж, для меня почти невероятна, но также и потому, что она постоянно притягивала подобные, однако непредсказуемые неприятности.

– Господи, милая, – задыхаясь, произнес я, мгновенно отмечая, как визгливо прозвучал мой голос. Не по-мужски, это еще очень мягко сказано. Такое впечатление, будто я сварливо укорял ее за неразумный выбор обивки для мебели или за то, что она надела туфли, не подходящие к ее сумочке.

Оставив без внимания мое визгливое вмешательство – и кто бы осудил ее? – она пальнула в воздух. Разок-другой.

Если вы, подобно мне, никогда не слышали вблизи ружейного выстрела, позвольте сообщить вам, что это оглушительный взрыв. Огненные вспышки проникают в мозг, в ушах звенит тройной отзвук запредельно высокой арии, а ноздри забиты горьковатым запахом пороха.

Звуки выстрела бьют рикошетом в стену дома, в склон горы и возвращаются: точно по долине с грохотом скачет громадный акустический теннисный мяч. Я пригнулся, съежился, закрыв голову и осознавая при этом странное спокойствие ребенка. Он по-прежнему сосал свой палец, прижав голову к волне материнских волос. Кажется, что он привык к этому. Словно уже слышал такие выстрелы прежде.

Я встал, выпрямился. Отнял руки от ушей. Вдали через мелколесье сверкали пятки удирающего чужака. Моя жена слегка повернулась. Похлопала стволом ружья по сгибу руки. Свистом подозвала собаку.

– Ха, – изрекла она, перед тем как вновь исчезнуть за углом дома, – нахалов надо учить.

Должен сказать вам, что моя жена умопомрачительна до безумия. Не в том смысле, что требовал бы лечения и опеки людей в белых халатах – хотя порой я задумывался, не бывало ли таких случаев в ее прошлом, – но в каком-то утонченном, более социально приемлемом, менее показном стиле. Ее способ мышления весьма оригинален. Она полагала, по всей вероятности, что палить из ружья для острстки не в меру любопытных чужаков, околачивающихся возле нашей ограды, не только позволительно, но и вполне правомерно.

Вот голые факты о женщине, на которой я женился.

Она безумна, как я, возможно, уже упомянул.

Она предпочитает затворнический образ жизни.

Очевидно, она готова палить из ружья при любой попытке постороннего взгляда на ее потайное уединенное жилье.

Я бросился в дом, с максимальной целеустремленностью для мужчины моих габаритов, вознамерившись догнать ее. Я собирался высказать ей все, что думаю: «Нельзя держать дробовики в доме, где живут маленькие дети. Просто нельзя».

Я повторял эти фразы про себя, проходя по дому и собираясь начать с них мое протестное заявление. Однако, миновав парадную дверь, я словно попал в совершенно другой мир. Вместо серой мороси за домом в палисаднике царило ослепительное бледно-желтое солнце, поблескивая и искрясь на цветах россыпью драгоценных самоцветов. Дочь прыгала через скакалку, которую крутила ее мать. Моя жена, всего лишь мгновение назад представшая в виде грозного стража с ружьем, в длинном сером пальто и шляпе, смахивавшей на капюшон палача, успела скинуть жуткую зюйдвестку и вернуться к своему обычному воплощению. Малыш ползал по траве с мокрыми от дождя коленками, зажав в кулачке цветок ириса и выражая свою радость гортанными звуками одному ему понятного языка.

Такое впечатление, что я вступил в совершенно иные временные рамки, словно я попал в одну из тех народных сказок, где герою кажется, что он проспал всего лишь какой-то час, но обнаруживается, что пролетела целая жизнь и все, кого ты любил, и все, что ты знал, давно мертвы и остались в прошлом. Неужели я и правда пришел с другой стороны дома или мне удалось проспать сотню лет?

Я избавился от странного наваждения. Вопрос об оружии необходимо решить незамедлительно.

– С каких пор, – требовательно спросил я, – мы владеем огнестрельным оружием?

Жена подняла голову и устремила на меня вызывающий, суровый взгляд, перестав крутить скакалку.

– Не мы владеем, – ответила она, – ружье мое.

Типичная вызывающая реплика. Она, видимо, способна решить вопрос, вовсе не ответив на него. Выбирая деталь, которая не являлась сущностью вопроса. То есть, на самом деле, уклонившись от ответа.

Однако я готов отстаивать свою позицию. У меня уже накопилось более чем достаточно подобного опыта общения.

– С каких пор ты владеешь огнестрельным оружием?

Она пожимает плечом, голым, с мягким золотистым загаром и тонкой белой полоской от майки. Вдруг ставшее тесным нижнее белье засвидетельствовало мгновенное, непроизвольное восстание мужского естества – странно, почему столь тонкая грань отделяет зрелых мужчин от внутренних подростковых проявлений, – но я возвращаюсь к нашей дискуссии. Она не сможет уклониться.

– С недавних, – коротко ответила она.

– Что такое «огнестель»? – спрашивает дочь, по-своему сокращая упомянутое мной оружие и поднимая к матери личико в форме сердечка.

– Это американизм, – пояснила моя жена, – имеется в виду «ружье».

– Ах, ружье, – воскликнула моя милая шестилетняя Марита, в равных долях фея, ангел и сильфида², обстоятельно добавив: – Разве ты не знал, папа, что Дед Мороз подарил Доналу новое, и тогда он сказал, что маман может взять его старое ружье.

Сообщение Мариты лишило меня на мгновение дара речи. Донал, дурно пахнущий гомункул, занимался земледелием в дальнем краю долины. У него – и, как я подозревал, у его жены – имелись проблемы с тем, что можно назвать управлением гневом. Донал готов палить без разбора по любому поводу. Он стреляет во все, что видят его глаза: белки, кролики, лисы, гуляющие по холмам туристы (просто дурачится).

– Что происходит? – возмущенно произнес я. – Ты держишь огнестрельное оружие в нашем доме, ничего...

– Ружье, папа. Говори ружье.

– М-да... ружье, не удосужившись сообщить мне? Не обсудив это со мной? Разве ты не соображаешь, как это опасно? Вдруг кто-то из детей...

Моя жена повернулась ко мне, прошелестев подолом юбки по мокрой траве.

– Разве тебе уже не пора собираться на поезд?

* * *

Я сижу за рулем машины, одна рука на ключе зажигания, в губах зажата все та же, еще не закуренная сигарета. Я ищу в кармане неуловимую зажигалку или коробок спичек. Я вознамерился выкурить сигарету рано или поздно, но еще до полудня. Меня вынудили ограничить курение до трех раз в день, и, черт побери, они мне необходимы.

Одновременно я горланю вовсю. Уединенная жизнь на природе способствует бурному изъятию эмоций.

– Погнали уже, черепахи! – призывно кричу я, втайне восхищаясь воспроизводимой мной громкостью и тем, как эхо разносит крик по горному склону. – Я не собираюсь опоздать на поезд!

Марита не обращает ни малейшего внимания на столь громогласные призывы, кои достойны одобрения в одном смысле и утомительно раздражающи – в другом. Стоя спиной к стене дома, она играет с положенным в носок теннисным или резиновым мячиком, громко

---

² Неуловимый дух воздуха, мечты, персонаж романтического балета в двух действиях, созданного балетмейстером Филиппо Тальони и впервые поставленного в 1832 году в Парижской опере («Гранд опера»). Композитор Жан Шнайцхелфер.

отсчитывая удары (по-ирландски, замечаю с волной удивления). С каждым разом «aon, dó, trí, ceathair»³ – она вколачивает этот спрятанный в носке мяч в стену, в опасной близости от самой себя. Продолжая свои призывы, я отметил, однако, что девочка вполне преуспела в этой забаве. Внезапно я поймал себя на мысли, где же она наловчилась так играть. Не говоря уже об ирландском языке. Она училась дома под руководством матери, так же как ее старший брат, пока он не восстал и не поступил (с моей тайной помощью) в закрытую английскую школу.

В силу моего рабочего расписания обычно будни я проводил в Белфасте, возвращаясь в нашу долину Донегола на выходные. Я преподавал курс языковедения в университете, обучая студентов разбираться в том, что они слышат в миру, задаваться вопросом конструирования фраз, задумываться о словоупотреблении и подталкивая их к осознанию причин. Я поглощен моими исследованиями развития языка и не отношусь к тем традиционалистам, которые стонут, бия себя в грудь, по поводу деградации грамматических норм и снижения семантических критериев. Нет, я приветствую и принимаю идеи перемен.

В связи с этим в исключительно узком кругу академического языковедения я сохраняю дух индивидуалиста. Не ахти какая заслуга, но так уж обстоит дело. Если вам случалось слушать радиопередачу о неологизмах, или грамматических отклонениях, или о том, как подростки узурпируют права на изобретение своих собственных правил, зачастую ниспровергая классику, то вполне вероятно, что я мог заглянуть туда и заметить, что такие перемены благотворны и что следует признать пользу языковой гибкости.

Однажды я сказал об этом мимоходом моей теще, и в тот же момент она устремила на меня надменный взгляд густо накрашенных глаз и заявила на своем безупречном парижском варианте английского: «Ах, как интересно, но вряд ли я вас слышала, поскольку всегда выключаю радио, когда слово предоставляется американцам. Меня попросту корбит от их произношения».

Невзирая на произношение, через несколько часов мне предстояло читать лекцию о туземских и креольских диалектах английского, основанную на единственном невразумительном предложении. Если я опоздаю на этот поезд, то следующий отправится слишком поздно, не позволив мне вовремя приехать в университет. И, следовательно, не будет никакой лекции, никаких туземцев и креолов, зато группа студентов навсегда лишится просвещенности насчет очаровательной, сложной лингвистической генеалогии фразы, с классической точки зрения воспринимаемой как набор несогласованных слов: «Ему вор, она манго».

После лекции мне также надо успеть на самолет в Штаты. Под всесторонним трансатлантическим давлением моих сестер и вопреки собственным убеждениям я решился слетать туда на празднование девяностолетия моего отца. Интересно глянуть, какого рода компания могла остаться у него к этому возрасту, хотя я ожидаю множество бумажных тарелок, картофельный салат, тепловатое пиво и общество, всецело стремящееся игнорировать тот факт, что сам юбиляр что-то хмуро бурчит в углу. Мои сестры сообщили, что отец готов покинуть бренный мир, ибо сердце его в любой момент может перестать биться, и хотя они понимали, что мы с ним, мягко выражаясь, никогда не находили общего языка, я буду сожалеть всю оставшуюся жизнь, если не прилечу в ближайшее время, и продолжали в том же духе капать мне на мозги своими вздорными доводами. «Знаете, – сказал я им, – старик проходит ежедневно по две мили, ест достаточно мексиканской свинины, чтобы истребить свиней в целом штате Нью-Йорк, и определенно не наводит на мысль о дряхлении, когда слышишь его по телефону: он по-прежнему не испытывает ни малейших затруднений, указывая на мои недостатки и заблуждения. К тому же что касается причины его достохвальной потенциальной кончины, то, на мой взгляд, вместо сердца у него всегда был камень».

³ Один, два, три, четыре (*ирл.*).

Сидя в ожидании моего семейства за рулем машины, я внушал себе, что этот чертов визит – первый после пяти лет – не являлся причиной для стресса, или для нервного подергивания века, или для жажды курева. Все это не имело ничего общего с чертовым визитом, совершенно ничего. Просто я стал слегка нервным. Только и всего. Я поеду в Бруклин, навещу старика, буду ханжески вежлив и тактичен, пойду на юбилейную вечеринку, вручу подарок ко дню рождения, купленный и запакованный моей женой, поболтаю с племянниками и племянницами, я выдержу требуемое число дней... а потом свалю оттуда с огромным удовольствием.

Распахнув дверцу машины навстречу влажному воздуху, я крикнул:

– Ну, где вы там? Я же опаздываю на лекцию! – и тогда заметил на полу салона смятую упаковку спичек. Я нырнул за ней, точно за жемчужной раковиной, и с триумфом вынырнул, завладев коробком.

В этот момент моя жена рывком открыла заднюю дверцу и начала пристегивать малыша к детскому креслу.

Я вздохнул, чиркнув спичкой. Уж если мы, наконец, едем, то следует срочно запастись терпением.

Марита устроилась сзади на своем месте; собака протиснулась в салон и перебралась через заднее сиденье в багажник; наконец открылась пассажирская дверца, и жена проскользнула в машину. Я заметил, что свои мужские брюки она подпоясала на талии чем-то подозрительно напоминавшим один из моих шелковых галстуков. На плечи наброшена куртка, когда-то фактически стоившая больше моего месячного жалованья – громоздкая и бесформенная конструкция из кожи и твида, с ремешками и петлями, – на голову водружена кроличья шапка с затейливыми наушниками. Очередной подарок Донала? Мне хотелось прояснить этот вопрос, но я промолчал, осознавая присутствие Мариты.

– Фу, – изрекла моя жена, – как здесь грязно.

На заднее сиденье она перекинула плетеную корзину, джутовую сумку, нечто похожее на латунный канделябр и, напоследок, древнюю и потускневшую сбивалку для яиц.

Я продолжал молчать.

Включив первую скорость, я отпустил педаль тормоза, с извращенным ощущением победного завершения, словно собрать все семейство для выезда всего на десять минут позже являлось моим главным достижением, и тогда первая затяжка никотина проникла в мои легкие, где свернулась уютно, как кошка.

Жена, склонившись, вытащила сигарету из моего рта и затушила ее.

– Эй! – протестующе взвыл я.

– В машине же дети, – пояснила она, качнув головой в сторону задних сидений.

Я готов подхватить этот аргумент и развить его – у меня имеются весомые доводы по вопросам опасности для несовершеннолетних огнестрельного оружия и сигарет, – но моя жена повернулась ко мне лицом, укротив меня чарующим взглядом нефритовых глаз и одарив такой нежной и интимной улыбкой, что все слова моей заготовленной речи иссякли, как вода в сливной трубе.

Она положила руку мне на ногу, едва ли не выходя за рамки приличий, и прошептала:

– Я буду скучать по тебе.

Чисто лингвистически я сделал своеобразное открытие относительно многочисленных способов, изыскиваемых взрослыми людьми для обсуждения секса так, чтобы у детей не закралось ни малейшего подозрения, о чем на самом деле идет разговор. Это доказательство и в какой-то мере торжество семантической адаптации. Чарующе улыбаясь и говоря: «Я буду скучать по тебе», – моя жена, в сущности, имела в виду: «Пока ты будешь в отъезде, мне придется поститься, но как только ты вернешься, я поведу тебя в спальню, сброшу с тебя всю одежду и получу свое».

Смущенно прочистив горло, я ответил:

– Я тоже буду скучать по тебе, – естественно, думая, с каким нетерпением буду ждать того момента всю предстоящую неделю.

– Ты ведь с удовольствием оправаляешься в путешествие?

– В Бруклин? – уточнил я как можно небрежнее, но тон все-таки получился слегка подавленный.

– К твоему папе, – добавила она.

– Ах, это будет славная встреча, – соврал я, затейливо повертев рукой. – Да. Э-э... пожалуй, все будет в порядке. И к тому же неделя пролетит быстро, верно?

– Ну, – протягивает она, – мне думается, что он...

Марита, очевидно, следила за дорогой, поскольку мы вдруг услышали ее излишне громкое восклицание:

– Ворота! Маман, ворота!

Я затормозил. Моя жена отстегнула ремень безопасности, открыла дверцу, вышла и захлопнула ее за собой, стерев ромбик дождевого марева с пассажирского окошка. Через мгновение она появилась в панораме ветрового стекла, удаляясь от машины. Это инициирует своеобразный довербальный синапс в малыше: неврология, видимо, говорит ему, что вид удаляющейся матери является дурной новостью, что она может не вернуться, что он будет оставлен здесь на погибель и что общество его рассеянного и лишь иногда появляющегося отца недостаточно для гарантии выживания (надо признать, у малыша верное понимание). Он издал отчаянный вой, взывая к материнским чувствам: аварийное прекращение миссии, требование немедленного возвращения.

– Кэлвин, – повернувшись к мальчику, сказал я и, пользуясь случаем, убрал свою сигарету с приборной панели, – верь нам немножко, малыш.

Моя жена выдвинула засов и открыла дорогу. Я выжал сцепление, надавил на газ, и машина проехала в ворота, тут же закрытые за нами женой.

Должен пояснить, что между нашим домом и трассой находится дюжина ворот. Дюжина! И это первый из дюжины раз, когда ей придется вылезать из машины, открывать и закрыть эти чертовы засовы и возвращаться в машину. До шоссе всего полмили по прямой, но добираться туда чертовски долго. А если приходится ехать в одиночку, то это утомительное занятие, причем обычно оно проходит под дождем. Бывают случаи, когда мне нужно что-то в деревне – пакет молока, зубная паста или обычная поездка по хозяйственным нуждам, – и как только, поднимаясь с кресла, я осознаю, что мне придется открыть не меньше двадцати четырех ворот, сгоняв туда и обратно, то тут же опускаюсь обратно с мыслью: «Черт, да кому это надо каждый божий день чистить зубы?»

Определение «уединенный» даже близко не описывает наш дом. Мы живем в одной из самых малонаселенных долин Ирландии, на высоте, которую обходят стороной даже овцы, не говоря уже о людях. Да, моя жена предпочла жить в высочайшем, самом удаленном уголке этой долины, достигаемом только тропами, проходящими через огороженные пастбища. Отсюда и ворота. И надо исполниться терпения и искреннего желания, чтобы добраться до наших владений.

Дверца машины резко распахнулась, и моя жена вернулась на пассажирское сиденье. Осталось одиннадцать выходов. Малыш разразился слезами облегчения. Марита восторженно завопила:

– Одни! Одни ворота! Одни, папа, одни проехали! – ей, единственной, нравились эти ворота.

Тут же сработала сигнализация, истерически запищав и сообщая, что моей жене необходимо пристегнуться. Мне следовало бы уведомить вас, что пристегиваться она больше не собиралась. Предупредительные вспышки и писк будут продолжаться до самой дороги. Это

яблоко раздора нашей семейной жизни: по-моему, трудность застегивания и расстегивания ремня безопасности перевешивается прекращением этого адского писка, но она не согласна.

– Итак, твой папуля, – продолжила моя жена, – я, правда, думаю...

Помимо прочих многочисленных талантов, она обладала изумительной способностью помнить и возобновлять незаконченные разговоры с нужного места.

– Может, ты просто застегнешь ремень? – огрызнулся я. Никак не смог удержаться. У меня низкий порог восприятия длительных электронных помех.

– Прошу прощения? – вопросительно ответила она.

– Ремень безопасности. Может, просто застегнешь его разок...

Я безмолвствовал до очередных замаячивших в тумане ворот. Она вышла, удалилась к ним, малыш опять заревел, Марита выкрикнула номер *et cetera, et cetera*⁴. К предпоследним воротам глухое биение в моих висках угрожало перерасти в пульсирующую головную боль.

Когда жена направилась обратно к машине, оживший радиоприемник начал прерывисто шипеть и потрескивать. Мы никогда не выключали его, поскольку наличие приема являлось главным желанием в здешних краях, и любой обрывок музыки или диалога с восторгом приветствовался.

«Ох, Брендан! Брендан! – убедительно звучал взволнованный голос актрисы из радиостудии. – Будь осторожен!» – Связь осложнялась треском помех.

– Ох, Брендан! Брендан! – восторженно подхватила Марита, молотя ногами по спинке моего кресла.

Малыш, быстро уловив общее настроение, издал ликующий визг, вцепившись в борта своего креслица, и неожиданно, выбрав момент, появилось солнце. Ирландия выглядела уже цветущей и благословенно славной на нашем стремительном пути к финальным воротам по фонтанирующим лужам.

Жена и Марита обсуждали, зачем Брендану могло понадобиться быть осторожным, малыш на все лады распевает звук «н», а я, подумывая, не рановато ли он вошел во вкус болтовни, лениво настраивал приемник на более приемлемую станцию.

Наконец мы достигли последних ворот. Сквозь белый шум, заполняя салон, прорвался голос явного уроженца Глазго, он смущенно пытался произвести серьезные интонации диктора. Существует географический прорыв, позволяющий нам, время от времени ловить и шотландские новости. И нам сообщили кое-что по поводу приближающихся местных выборов, превышении скорости каким-то политиком и нехватке учебников в школах. Я прокрутил волны пустых диапазонов в поисках речи членораздельного человеческого голоса.

Жена вылезла из машины, удалилась к воротам. Я наблюдал, как ветерок играючи спутывал ее волосы, отмечал изящную балетную поступь, ее руку в митенке, опускающуюся на засов.

Радиоантенна напряглась и выловила из эфира женский голос: спокойный, но неуверенный. Речь шла о гендерных различиях и рабочих местах, одна из тех спорных журналистских программ, что запускали по Би-би-си в первой половине дня. Восьмидесятилетняя старушка с юго-запада Англии сообщила, что стала первой женщиной, нанятой на инженерную работу, и я уже собрался переключиться на другой диапазон, поскольку такого рода сведения захотела бы послушать моя жена, а мне сейчас пришлось бы по душе хорошая музыка. Однако внезапно из маленького перфорированного динамика на уровне моих колен раздался другой голос: растянутые гласные и выразительность речи образованной англичанки.

– И тогда я подумала: «Боже мой, – сообщила женщина из радиоприемника моей машины, наполняя своим голосом уши моих детей, – должно быть, это тот самый «стеклян-

---

⁴ И так далее, и так далее (*лат.*).

ный потолок», о котором я так много слышала. Неужели его действительно так трудно пробить моим черепом?»

Эти слова пробудили во мне глубинный звон узнавания. Совершенно неожиданно из памяти всплыли картины давней молодости: мощный тротуар в туманной дымке, прицепленный к ограде велосипед, деревья, источавшие густой сосновый аромат, податливая хвойная подстилка под ногами, телефонная трубка, прижатая к мягкой раковине уха.

«Я знаю эту женщину, – захотелось мне воскликнуть, – я знал ее». Я едва удержался от того, чтобы повернуться к детям и сообщить им: «Я знал когда-то эту особу».

Мне вспомнилась черная накидка, которую она обычно носила, и ее страсть к невообразимым для пешехода туфлям, странным, шарнирным драгоценностям, сексуальным играм на природе, но вот этот голос затих, и эфир прорезал голос радиоведущей, которая сообщила нам о том, что мы прослушали интервью с Николь Джэнкс, записанное в середине восьмидесятых годов прошлого века.

Я прихлопнул ладонью руль. Почему именно Николь Джэнкс? Никогда с тех пор мне не приходилось встречать эту фамилию. Она оставалась единственной известной мне Джэнкс. У нее было, кажется, припоминаю, какое-то экзотическое второе имя, вроде греческого или римского, обусловленное родительской склонностью к мифологии. Как же оно звучало? Я напомнил себе с сожалением, что в тумане, окутавшем мои воспоминания, нет ничего удивительного, учитывая число пролетевших с той поры лет и...

Но внезапно все мои мысли улетучились.

Напряженный и сдержанно печальный голос радиоведущей мог означать только то, что Николь Джэнкс умерла вскоре после записи этого интервью.

Мое сознание выдало серию сбоев, подобно готовому заглохнуть механизму. Невольно я поискал взглядом жену. Она уже распахнула ворота и ждала, когда я проеду.

Такое ощущение, что где-то резко распахнули окно или одна костяшка домино уронила другую, породив целую череду падений. Приливная волна накатила и отступила, но все, что побывало под ней, невооруженно изменилось.

Я сосредоточил взгляд на жене. Она продолжала держать ворота открытыми. Привалилась спиной, удерживая створ, чтобы тот не поддал по багажнику машины. Она держала ворота, веря, что я смогу проехать через них в машине, где сидят ее дети, ее отпрыски, ее любимые. Ее шевелюра вздымалась, как парус, под ирландским ветром. Ее пристальный взгляд устремился на мое лицо за ветровым стеклом, она явно недоумевала, почему я медлю, но с того места, где она стояла, в стекле было видно лишь отражение облаков. С места, где она стояла, скорее всего, просто невозможно увидеть меня.

* * *

Двигаясь в восточном направлении, поезд подъезжал к границе, ныряя в ливневые зоны и выныривая из них. Жена купила мне газету, и я свернул ее в рулон, наподобие дирижерской палочки, словно мне вот-вот предстояло сыграть симфонию с незримым оркестром.

Минуло десять лет с тех пор, как я прилетел сюда, совершив своего рода паломничество. Тогда я впервые оказался в Ирландии: просто раньше никогда не выпадало случая такой поездки. Я не из тех ирландских американцев, оглушенных чувством обременительной ностальгии по славной республике, переполняемых причудливыми воспоминаниями о стране, которую наши давние предки были вынуждены покинуть, чтобы выжить. В моей семье я в этом плане белая ворона: все мои сестры носили Кладдахские кольца⁵, участвовали

---

⁵ Кладдахское кольцо – символическое кольцо, изображающее две руки, которые держат коронованное сердце. Каждый элемент этого кельтского символа объединен с категориями любви (сердце), дружбы (руки), верности (корона). Такие

в шествиях в День святого Патрика и давали своим детям имена с мудреными сочетаниями букв «д», «б» и «х», вроде Идбхард или Сэйбх.

Я работал в Беркли на отделении когнитивистики в несколько стесненной обстановке. Мой брак тогда как раз забуксовал: обнаружилось, что жена давно крутила роман с сослуживцем. Это открытие побудило меня тоже завести легкую интрижку, что, в свой черед, подстегнуло мою жену возбудить дело о разводе. Я жил в квартире одного приятеля, улетевшего в длительный творческий отпуск в Японию; а наставивший мне рога сослуживец поселился в доме, из которого меня выставили. Моя в скором времени бывшая жена превратилась в мстительную гарпию, запросив астрономическую сумму алиментов за возможность моих редких контактов с детьми. Неделю за неделей она отказывалась принимать опекуновское соглашение, которое выработали наши адвокаты. Я вложил в эту тяжбу целое месячное жалованье; у меня были две неблагоприятные связи с двумя разными особами, и препятствия их обнаружению породили чрезмерные осложнения и ухищрения.

Пока тянулась эта разводная заваруха, умерла моя бабушка и, согласно неожиданным распоряжениям ее завещания, была кремирована. Засим последовали обычные семейные разногласия по поводу того, что нам следует сделать с ее пеплом. Моей тетушке нравилась идея помещения его в урну, а именно в антикварную китайскую керамическую вазу, увиденную ею на распродаже; мой отец упорно настаивал на традиционном похоронном обряде. Один из дядюшек внес предложение о создании фамильного участка; другой – добавил, что горит желанием упокоиться в какой-нибудь лесистой местности или лесной полосе. А моя кузина сказала: «Не лучше ли нам подзахоронить ее к дедушке?»

Все мы начали переглядываться. Дело шло к концу поминок: священник уже ушел, гостей заметно поубавилось, комнату заполняли кольца сигаретного дыма, мятые салфетки и раскрошенные кексы. Отец с братьями и сестрами сидели, опустив глаза.

Когда речь зашла о похоронах, на свет выплыла неприглядная правда: решительно никто не знал, где покоились останки дедушки. История гласила, что много лет назад они с бабушкой отправились в свой первый, по общему признанию, отпуск в Ирландию. Дедушка уже отошел от дел, а они никогда еще не видели родину своих предков, где побывали все их друзья, к тому времени им удалось сделать небольшие накопления, и так далее в том же духе. Прикиньте сами, по каким обычным причинам людям хочется отправиться в отпуск.

Они прилетели в Дублин. Проехали по кольцу Керри⁶, осмотрели достопримечательности графства Корк и полюбовались природными красотами полуострова Дингл. Лицезрели и знаменитого дельфина в заливе городка Дингл. По какой-то причине – никому не ведомой – они оказались в Донеголе, заехали на самый лоб этого ирландского спаниеля⁷ с загривком, оттяпанным пограничными британскими графствами. Неужели кто-то из наших предков жил в Донеголе – хотел бы я знать – или, может, приобщился к северным протестантам. Последнее предположение заглушил возмущенный вопль. Мой дядя настаивал, что испокон веков весь наш род, как и все мы, исповедовал католичество. Иное предположение сочли бы страшным оскорблением.

Кем бы ни были их предки, наши отпускники остановились – опять же по неведомой причине – в каком-то отеле сети «B&B»⁸ городка Банкрена. Моя бабушка подпиливала ногти, сидя возле своеобразного «армоире»⁹ – как она обычно рассказывала впоследствии, а мой

украшения обычно дарят и в знак дружбы, и в качестве обручальных колец.

⁶ Один из самых популярных туристических маршрутов Ирландии протяженностью 166 километров.

⁷ Имеется в виду сходство очертаний карты острова Ирландия (при взгляде с востока) с ирландским спаниелем, в силу чего границы самого северного графства Донегол приходится на лоб этой «собаки».

⁸ Сокращенный вариант названия системы услуг в гостинице – «Bed and Breakfast» (дословно: кровать и завтрак), при которой постояльцы платят за номер и завтрак, так называемый полупансион.

⁹ Изысканно украшенный шкаф (*фр.*).

отец вечно уточнял этот момент, – когда мой дедушка, отвернувшись от окна, сказал ей: «У меня появилось на редкость странное ощущение в ногах».

Она не посмотрела на него. И вскоре пожалела об этом. «Дэниел, – говаривала она мне позже, – всегда смотри на того, кто говорит с тобой, всегда». Я могу с уверенностью сообщить, что обычно никто и не думает пялиться на собеседника. В данном случае она не взглянула на него. Продолжая подпиливать ногти, она сказала: «Тогда присядь».

Но он не присел. Он упал прямо на ковер, перевернув прикроватный столик и разбив декоративную вазу, которую моей бабушке пришлось купить, прежде чем выписаться из отеля. Кровоизлияние в мозг. Умер мгновенно. В шестьдесят шесть лет.

«У меня на редкость странное ощущение в ногах». Как вам такие последние слова?

Короче говоря, бабушка принадлежала к поколению, которое не устраивало переполохов. Не поднимало шума. Они проглатывали любые горькие пилюли, преподносимые жизнью, и стойко продолжали жить. Ей даже в голову не пришло бы возвращаться с телом своего мужа в Штаты, дабы его могли с почетом проводить многочисленные отпрыски. Нет, она не хотела никого волновать, поэтому прямо на следующий день, в присутствии местного священника, деда кремировали. Она выполнила свой долг, выписалась из отеля и улетела домой. Ей пришлось заплатить за перевес багажа, доставив домой дедушкин чемодан, эта подробность неизменно вызывала у моего отца приступ ярости (обычно он с трудом воспринимал любые, излишние, на его взгляд, финансовые затраты). Однако что случилось с пеплом, никому не известно.

Положение моего давно почившего дедушки задело меня за живое. Я покинул поминки в состоянии яростного отвращения: слишком типично для моей родни позаботиться о доставке домой одежды умершего, но не уделить внимания его пеплу. Как могли быть забыты его останки, вверенные какому-то заокеанскому Чистилищу в стране, где никто из нас никогда не жил, где они пребывали в одиночестве и забвении? Разумеется, я живо представил, как урну с моим собственным прахом оставят гнить в каком-то далеком хранилище и мои дети никогда не навещают его, поскольку им и сейчас-то, чисто формально, позволяли видаться со мной лишь раз в неделю с трех до пяти часов дня, в местах, выбранных их матерью. Но всякий раз, когда приближались эти несправедливо короткие часы наших встреч, их мать оставляла сообщение у секретарши их отца, сообщая, что: «Дети больны/ отправились на школьную экскурсию/ готовятся к контрольной/ или просто не могут встретиться со мной в тот день». Увы, законодательная система неизменно снисходительна к матери, независимо от того, насколько она вероломна и мстительна. И как бы ни старался отец...

Но это уже другая тема.

Итак, после возвращения в Сан-Франциско я раздобыл названия всех похоронных бюро в том городке Ирландии и между телефонными разговорами со звонившим мне адвокатом, посещением судебных заседаний – хотя мог бы с тем же успехом выбросить несколько тысяч долларов в мусорную урну вместе с зажженной спичкой, – редкими посещениями двух любовниц, попытками найти квартиру, где я мог бы жить, когда мой приятель вернется из Японии (до слез дорогущую квартиру с тремя спальнями, потому как – по словам адвоката – важно показать, что я «способен обеспечить детей нормальным домом»), да, между всеми этими делами я упорно названивал в Ирландию, вычислив, что их время отличается от нашего на 8 часов. Вот я и просиживал штаны на кухне в три часа ночи, с таким упорством держась за телефон, словно от этого зависела моя жизнь – а может, и зависела, – и звонил по номерам из моего погребального списка. Бывало, я слышал в ответ мягкие, как подушка, гласные звуки: «Алло». Звучало это скорее как «э-э-лл-оу»: закрытые звуки удлинялись, язык опускался гораздо ниже, чем во рту американца. За приветствием также не следовало: «Чем могу вам помочь?» – ответ ограничивался протяжно лаконичным «э-э-лл-оу».

Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к этому.

Итак, страдая от бессонницы, я просиживал по ночам в кухне моего коллеги, окруженный цветными рисунками чужих для меня детей, и время от времени спрашивал ожившую телефонную трубку: «Не могли бы вы помочь мне, подскажите, пожалуйста, кремировали вы двадцать два года тому назад, примерно в конце мая, Дэниела Салливана?» Да, вдобавок к сюрреализму ситуации, мы с дедушкой – полные тезки. Порой, глухой ночью в Сан-Франциско, мне казалось, что я пытаюсь отследить место захоронения пепла самого себя в прошлой жизни.

За моим вопросом обычно следовала пауза, и, после периода странного шелеста и обмена, безусловно, зачастую ирландскими фразами, глухого стука выдвигаемых ящиков картотеки, я обычно слышал отрицательный ответ: «Не-е-е-т».

До того самого дня, когда одна женщина (вероятно, девушка – с юным голосом, слишком юным, на мой взгляд, для работы в таком заведении) ответила: «Да, его кремировали у нас».

Я прижал трубку к уху. В тот день в зале суда мне сообщили, что все мои прошения отклонены: по их мнению, я никак не мог гарантировать достойного участия в воспитании моих сына и дочери; не существовало законного способа заставить бывшую жену соблюдать соглашение о порядке общения с детьми; мне оставалось надеяться, что она образумится; а по словам моего адвоката, мы «прошли весь до конца этот путь». «Главное, родительские чувства. И на их дороге не бывает такого конца», – взревел я в сводчатом вестибюле здания суда так, что все стоявшие поблизости оглянулись на меня и быстро отвернулись, все, за исключением моей бывшей жены, которая невозмутимо следовала к выходу, не оглядываясь, и даже покачивание ее «конского хвоста» выглядело триумфально.

Мне уже казались невероятными любая справедливость, хоть какой-то положительный ответ: «Да, его кремировали у нас», – добавило, однако, каплю сладости к океану горечи, в который я постепенно погружался.

– Так его пепел у вас? – недоверчиво воскликнул я.

Последовала краткая пауза, точно девушку потрясли мои эмоции.

– Да, – вновь повторила она.

– И где же? – Мне говорили, что в похоронных конторах избавляются от пепла, если его не забирают родственники. Мне хотелось узнать, где его разбросали, чтобы я мог сообщить семье и мы решили, как поступить с бабушкой.

Но вместо слов о том, что они выбросили его с черного хода, развеяли по ветру над морем, над ближайшим розовым кустом, с удобного утеса, она произнесла еще более невероятную фразу:

– Он находится в цокольном хранилище.

На безумный момент мне представилось, как мой дед слоняется под низкими, но светлыми сводами подвальных залов, одетый, как обычно бывало, в широкие слаксы, горчично-желтого цвета рубашку и галстук-бабочку, проведя последние пару десятков лет в усовершенствовании методов хранения урн или за игрой в теннис, после установки там теннисного стола, или разбирая ящики с гвоздями, или что там еще может находиться в подвалах. Мы-то думали, что он умер, едва не закричал я. А он просто провел все это время в нашем подвале!

Прочистив горло, я покрепче обхватил трубку.

– В подвале?

– Да, полка четыре Д.

– Четыре Д, – повторил я.

– Когда вы хотите зайти и забрать его?

Вопрос застал меня врасплох. Мне и в голову не приходило, что может понадобиться забирать дедушку, точно ребенка с детского праздника. И в то же мгновение я осознал, что

на самом деле не надеялся отыскать его: все эти поиски служили мне просто отвлечением от напастей в этот самый тяжкий период моей жизни. И его обнаружение казалось ошарашивающим, неожиданным, нереальным.

Ирландия: мне представились склоны холмов, покрытых яркой зеленью, горбатые каменные мостики над серебристыми потоками, женщины с пышными золотисто-каштановыми шевелюрами, чьи пальцы перебирают струны арфы.

– На следующей неделе, – почти выкрикнул я, – я приеду на следующей неделе.

Вот так десять лет тому назад я и оказался на весенних каникулах среди холмов Ирландии в полном одиночестве, попеременно то надираясь до самозабвения, то заправляясь готовой едой из столовых сети отелей «V&V», где вас обеспечивают исключительно порционными упаковками молока, а постельные покрывала в номерах постоянно соскальзывают на пол.

Я говорю «в одиночестве», хотя на самом деле компанию мне составлял дедушка, который расположился в картонной коробке на пассажирском месте взятого напрокат автомобиля. Мы с ним прекрасно ладили, что приятно отличалось, помнится мне, от нашего общения при его жизни.

– Помнишь, как-то раз ты отшлепал меня какой-то клюшкой, когда я дерзил тебе за столом? – общительно вопрошал я моего пассажира, пока мы кружили по сельским ирландским дорогам, пейзажи которых оказались на удивление близкими к тому, как я представлял их: горбатые мостики и прочие детали. Хотя добавилось множество овец: я даже не думал, что их бывает так много.

Или:

– Как насчет того раза, когда ты заявил моей сестре, что никто из приличных парней и не взглянет на нее всерьез, раз она ест руками баранью отбивную?

Дедушка помалкивал. Он не ворчал даже, когда я резко сбрасывал скорость или выезжал на встречную полосу дороги, а на ланч неизменно употреблял только картофельные чипсы и «Гиннесс» или затягивался косячком марихуаны, используя курение в качестве отсрочки времени ночного сна.

И вот однажды, ближе к концу выделенного мне двухнедельного отпуска, я ехал с побережья в сторону границы. Мы с дедушкой обсуждали, хотим ли мы еще куда-нибудь съездить отметить – может, в графства Голуэй и Слайго, или перебраться в Ольстер – достаточно ли мы уже насладились пребыванием в Ирландии (он-то наверняка более чем достаточно). Свернув на перекрестке, я вскоре заметил на обочине дороги ребенка. Он просто сидел на земле, обхватив ладошками подбородок. Ударив по тормозам, я дал задний ход, медленно подъехал к нему и опустил окно.

– Привет, малыш, – сказал я как можно дружелюбнее, – все в порядке?

Он встал. Босоногий, лет шести или семи, одетый в странную теплую безрукавку, которая смотрелась так, будто ее соорудили беззаботные вольнодумцы под влиянием хипповой идеи.

Он открыл рот и выдал начальный звук. Может, он пытался сказать «Не» или «Мне». Последовала пауза. Но молчание его было своеобразным: напряженное, испуганное, мучительное молчание. Он пристально смотрел в землю перед собой, сжав зубы и кулачки. Я заметил, что малыш силился перевести дух. Он глянул в мою сторону и отвел глаза. Он вполне умело скрывал свои чувства, что обычно печально потрясало мою душу: бесстрашие и борьба, на которые оказывались способны бедные малыши. Мальчик возвел очи к небесам, изображая глубокую задумчивость или попытку выбора вежливого ответа, но меня ему не удалось одурачить. На заре карьеры я работал научным ассистентом на проекте, посвященном изучению заикания, и мне вспоминались все те малыши, которых мы обследовали, в

основном мальчишки, для которых речь представлялась минным полем, невыносимым испытанием, жестоким требованием человеческого общения.

Поэтому, глубоко вздохнув, я обратился к нему.

– Я понимаю, ты заикаешься, – заметил я, – так что, пожалуйста, успокойся и говори так медленно, как сможешь.

Он стрельнул в меня взглядом, на лице его отразилось недоверчивое потрясение. Такое я тоже помнил. Они не могли поверить, что их недостаток так легко обнаружить.

И конечно, этот малыш спросил, в стремительной манере опытного заики:

– Как вы узнали?

Я не удивился, не услышав ирландского языка. Мальчик выглядел приезжим, поселенцем – мне говорили, что в этих краях встречаются английские хиппи. Я привалился к открытому окну и пожал плечами:

– Это моя работа. Отчасти. В общем, когда-то я этим занимался.

– Вы л-лог-г... – он запнулся, вполне для меня понятно, пытаясь произнести слово «логопед». По иронии судьбы это буквосочетание чертовски трудно произнести заикам. Скопления согласных и гласных, требующих гибкости языка. Мы ждали, мальчик и я, пока он сумеет хоть приблизительно произнести это слово.

– Нет, – в итоге сказал я, – я занимаюсь лингвистикой. Изучаю язык и процессы его развития и изменения. Но раньше мне приходилось работать с такими детьми, как ты, у них тоже возникали речевые трудности.

– Вы – американец, – сказал он, и я осознал, что его произношение сложнее, чем я предположил сначала. В основном он правильно говорил по-английски, но с примесью неизвестного мне акцента.

– Угу.

– Вы из Нью-Йорка?

Я вытащил сигарету из бардачка.

– Я поражен, – откликнулся я, – у тебя тонкий слух на акценты.

Он пожал плечами, но выглядел довольным.

– Я жил там одно время, когда был маленьким, но обычно мы жили в Лос-Анджелесе.

– Правда? – Я удивленно приподнял брови. – Но где же сейчас твои мама и папа? Может, они...

Он перебил меня, но я не воспринял это как невежливость: таким детям приходится говорить, когда они могут, не дожидаясь нужной паузы в разговоре.

– У нас был дом в Санта-Монике, – выпалил он, вовсе не отвечая на мой вопрос. – Прямо на берегу, и мы с маман плавали каждое утро, а потом ее достали эти люди, и маман сбежала с лодки, она... она... она...

Он беспомощно умолк на этом интригующем моменте сообщения, щеки его покраснели от напряжения в хаотической борьбе с изменчивым союзничеством собственного языка, неба и дыхания.

– Да, Санта-Моника прекрасна, – выждав приличную паузу, заметил я. – Видимо, тебе там славно жилось.

Плотно сжав губы, явно не доверяя своему языку, он просто кивнул.

– Значит, теперь вы живете здесь? В Ирландии?

Он опять кивнул.

– С мамой? С твоей... маман?

Очередной кивок.

– И где же она сама? Может, она... – я замаялся, размышляя, как лучше спросить, чтобы не напугать малыша навязчивостью, – где-то поблизости или?..

Он мотнул головой куда-то за спину.

– Она где-то там?

– Ш-ш-ш... ш-ш-шина... л-о-п – лоп-нула.

– Вот как, – сказал я, – понятно.

Поставив машину на тормоз, я вылез на дорогу. Улыбнувшись малышу, я не стал подходить слишком близко. Дети могут занервничать, и вполне оправданно.

– Как ты думаешь, не нужна ли ей помощь?

Он с готовностью нырнул в кусты и вскоре появился на дороге, не замеченной мной раньше. Усмехнувшись, он углубился в окрестные холмы, следуя за изгибами известного ему пути. Мы сделали один поворот, потом другой, мальчик быстро забрался на дерево и спустился, то и дело оборачиваясь и весело поглядывая на меня, точно считал отличным случаем, что ему удалось увлечь меня за собой. Приближаясь к очередному повороту, он опять нырнул в подлесок. Оттуда донеслись какие-то шорохи, смешки и женский голос:

– Ари? Это ты?

– Я нашел друга, – заявил Ари, когда я вышел из-за поворота.

Впереди на подъеме дороги стояла машина, поддерживаемая с одной стороны домкратом. Рядом валялось множество инструментов, и среди них сидела на земле женщина. Из-за ослепительного солнца я разглядел лишь смутный силуэт и длинные, касавшиеся земли волосы.

– Друга? – повторила она. – Как мило.

– Вот он, – сообщил Ари, поворачиваясь ко мне.

Женщина резко оглянулась и поднялась на ноги. В тот миг я отметил только, что она довольно высока и худощава. Даже костлява, ее ключицы на груди выпирали, словно плечики для пальто, а округлость запястий наводила на мысль о том, что вряд ли руки ее обладают достаточной силой для работы с разложенными на земле приборами. Лицо обрамляла густая шевелюра медового оттенка, но изгиб надутых губ выдавал явное недовольство. Рабочий комбинезон с закатанными штанинами позволял видеть залепленные грязью резиновые сапоги. В общем, далеко не героиня моего романа. Помню, я сознательно дал такое определение. Слишком костлявая, слишком заносчивая, слишком соразмерная. Лицо ее, правда, казалось крупноватым, словно виделось через увеличительное стекло: чрезмерно крупные черты, огромные глаза, чересчур полная верхняя губа, да и сама голова великовата по сравнению с телом.

Склонив голову, она что-то говорила и жестикулировала: она что-то делала, не помню, что именно. Я осознал лишь, что в следующий момент передо мной предстала идеальная красавица, просто потрясающе. Вероятно, тогда впервые я лично столкнулся с ее способностью, подобно Протею, преобразаться, талантом мгновенно перевоплощаться в другого человека (главная причина, как обычно думал я, по которой ее любили кинематографисты). Честно говоря, в первый момент она показалась мне жутко костлявой и пучеглазой; но всего через мгновение выглядела безупречно. Но, опять же, слишком безупречно, словно иллюстрация волшебного преображения в кабинете пластического хирурга: скулы подобны кафедральным контрфорсам, изящный изгиб губ с рельефным желобком под носом, отливающая перламутром кожа с очаровательной легкой россыпью веснушек на безукоризненном носике.

Позднее я выяснил, что ее тень никогда не падала на дверь кабинета пластического хирурга, что ее ждет стопроцентное, как ей нравилось выражаться, биологическое разложение. Я также мог бы подметить, что под грязным комбинезоном скрывается пара на редкость пышных округлостей. Однако в тот момент я полагал, что предпочитаю женщин с более весомыми формами, женщин, чьи тела соблазнительно прельщают, женщин, в чьей красоте имелись легкие изъяны, странности и скрытые тайны: легкое косоглазие, большой нос с горбинкой, как на римских монетах, и чуть оттопыренные уши.

Нагнувшись, эта костлявая Мадонна Боттичелли подняла гаечный ключ и погрозила им мне.

– Стойте там, где стоите! – крикнула она.

Я замер на дороге.

– Не беспокойтесь, – откликнулся я и едва не добавил: «Я пришел с миром», но вовремя опомнился; может, я еще находился слегка под кайфом? Возможно.

– У меня нет намерений вредить вам.

– Ближе не подходите! – воскликнула она, взмахнув гаечным ключом.

Господи, какая-то дерганая особа.

– Ладно, – примирительно ответил я, поднимая руки, – я остановился.

– Кто вы? Что вам надо?

– Да просто я увидел этого мальчика на дороге. Он сказал, что у вас спустила шина, и я пришел глянуть, не смогу ли чем-то помочь. Только и всего. Мне...

Не сводя с меня взгляда, она слегка повернулась к мальчику и вступила с ним в долгий разговор по-французски. Ари быстро отвечал ей, и я заметил, что по-французски он вроде бы и не заикался. Интересное наблюдение, отметил я для себя.

– Non, – слегка раздраженно продолжал возражать Ари, – non, тапан, non.

– Как вы нашли меня? – крикнула она мне.

– Не понял?

– Кто послал вас?

– О чем вы? – Я совсем смутился. Похоже, мы вляпались в скверный шпионский роман. – Никто.

– Не верю. Кто-то подговорил вас. Кто? Кому известно, что я здесь?

– Послушайте, – заявил я, чувствуя, что сыт по горло. – Я понятия не имею, кто вы... Мне просто случилось проезжать мимо, я увидел одинокого мальчика на обочине и остановился спросить, все ли у него в порядке. Он упомянул про это спущенное колесо, и я подумал, что мог бы дойти и глянуть, не нужна ли помощь. Но, судя по обстановке, – я махнул рукой в сторону пикапа, – вы вполне справитесь сами, так что я ухожу. – Я поднял руку. – Хорошего вам дня. – Я повернулся к малышу: – До свидания, Ари. Приятно было познакомиться с тобой.

– Д... – попытался он, – д-д-д...

– Знаешь, что ты можешь сделать, если спотыкаешься на первой букве слова? – спросил я, поймав его взгляд.

Ари ответил мне смущенным, испуганным взглядом заики.

– Подыщи подходящую замену, другое слово, которое тебе легче произнести. Держу пари, – добавил я, что такой смысленный мальчик, как ты, сможет найти много слов для замены слова «до свидания».

Я отвернулся и начал удаляться по дороге.

– Увидимся! – крикнул Ари мне вслед.

– Отлично, – бросил я через плечо.

– Hasta la vista!¹⁰ – подпрыгивая, воскликнул он.

– Молодчина, – откликнулся я.

– Удачного дня!

– Береги себя! – Я обернулся и взмахнул рукой.

– Au revoir!¹¹

---

¹⁰ До свидания! (Исп.).

¹¹ До свидания! (Фр.).

– Adiós¹².

Я миновал первый поворот, когда услышал шаги за спиной.

– Эгей! – позвала она. – Эй, вы.

Я остановился.

– Вы отправились за мной с вашим гаечным ключом? Должен ли я испугаться?

– Что это вы тащите в руках? Фотокамеру? Наверняка это фотокамера. Я хочу, чтобы вы открыли ее и достали пленку, немедленно, прямо на моих глазах, чтобы я сама все проверила.

Я пристально посмотрел на нее. В основном я переживал из-за Ари: неужели ему действительно приходится жить с такой чокнутой особой? Неудивительно, что мальчик имел проблемы с плавностью речи, живя с матерью, страдающей исключительной паранойей, странными маниями и страхами. О какой фотокамере она твердит? Достать пленку? На какой-то момент, впрочем, пока мы взирали друг на друга, что-то в ее лице показалось мне знакомым: легкая ложбинка между нахмуренных бровей. Я видел где-то такое выражение прежде. Неужели видел? Неужели я знал эту женщину? Нервирующая идея, если вы попали в какую-то глушь, в тысячах миль от дома.

– Так это камера? – настаивала она, показав на мою руку.

Опустив глаза, я обнаружил, к собственному удивлению, что держу перевязанную коробку дедушки. Должно быть, я машинально захватил ее, вылезая из машины. Наш дедушка ведь всегда любил погулять.

– Это не камера, – ответил я.

Она прищурилась, точь-в-точь как полицейский следователь.

– Тогда что же это?

Я обхватил рукой уже знакомый картонный куб с перевязанными веревкой гранями, слегка смявшимися по углам.

– Уж если вам так необходимо знать, – сказал я, – то это мой дедушка.

Она поджала губы и подняла брови: легкая модуляция выражения лица. Нет, правда, как странно. Ее лицо казалось на редкость знакомым, и его выражение вполне узнаваемым: где же я видел ее прежде?

– Ваш дедушка? – повторила она.

Я пожал плечами. Я не думал, что должен предоставлять ей какие-то объяснения.

– Последнее время он слишком чувствителен к переменам погоды.

– Серьезно? Вы таскаете его повсюду с собой?

– Так, видимо, получается.

Она перебросила гаечный ключ в другую руку.

– Ари сказал мне, что вы помогаете детям с речевыми недостатками.

Я поморщился.

– Определение «недостатки» принято считать слегка уничижительным. Можно сказать с «проблемами».

Вздых примадонны.

– Ну, с речевыми проблемами.

– В общем, я помогал им. Много лет назад.

У нее замечательные глаза – я никогда не видел таких глаз, светло-зеленых с темной окантовкой, – посматривающих на меня оценивающе, отчаянно. Ее изысканное фарфоровое лицо приобрело выражение уязвимости, и можно было с легкостью понять, что это не та компоновка, к которой привычны ее мимические мышцы.

– Вы думаете, его можно вылечить?

---

¹² Прощайте (*Исп.*).

Я нерешительно помедлил. Мне хотелось сказать, что слово «вылечить» мне тоже не нравится.

– Я думаю, что ему можно помочь, – осторожно ответил я, – во многом ему можно помочь. Будучи аспирантом, я участвовал в исследовательской программе помощи таким детям, как Ари, но, строго говоря, моя специализация...

– Пошли, – властно бросила она в такой повелительной манере, которой обычно подчиняются беспрекословно. Я почти ожидал, что она вот-вот щелкнет пальцами, точно хозяйка, призывающая пса. – Вы подержите домкрат, пока я закреплю колесо, и заодно расскажете мне об этой программе. Пошли.

«Нет, я не пойду, – подумал я. – Я не намерен подчиняться приказам какой-то крикливой мадам. Она привыкла получать желаемое, поскольку природа случайно одарила ее лицом богини. Я никуда не пойду с вами». И закончив размышления, тут же поплелся за ней. Я послушно держал домкрат, пока она меняла колесо. И пока она закручивала болты, поведал все, что смог вспомнить о программе восстановления плавности речи. Мне с трудом удавалось отводить взгляд от ворота ее рубашки, расстегнутой до талии под передником комбинезона. Я поступил так, как следовало приличному мужчине: помог и удалился.

Позднее тем вечером я лежал на кровати номера «B&B», обозревая остатки моих тайных запасов травки, которых, осознал я, не хватит мне до возвращения в Штаты. Как же я легкомысленно не озадачился покупкой достаточного количества в том сомнительном баре Дублина? В этой глуши мне явно не светит найти что-то подобное. «А растет ли эта травка на лугах Ирландии? – размышлял я, – И не слишком ли много здесь дождей для нее?»

Послышался стук в дверь, и передо мной предстала хозяйка отеля, миссис Спиллейн, дама с шевелюрой, вздымавшейся над головой точно шапка отцветшего одуванчика, и в фартуке, завязанном впереди на хирургический манер. Я поспешно затушил косячок и разогнал рукой волны дыма, как обычно – непонятно зачем? – поступают трогательные курильщики, однако на лице ее застыло выражение женщины, точно знающей, что ее ограбили, но пока не способной доказать это.

– Мистер Салливан, – сказала она.

– Да? – откликнулся я.

Совсем один, заброшенный судьбой в глушь в тысячах миль от дома, я даже напряженно выпрямился, чтобы противостоять любым ее нападкам и опровергнуть обвинения в обкуренности.

– Это доставили для вас. – В руках она держала, как я наконец заметил, посылочку, упакованную в хлопковый мешок.

– Спасибо. – Я протянул руку, чтобы взять посылку, но она отвела руку в сторону. Оглянувшись, она покрутила головой в разные стороны, словно проверяя наличие в коридоре агентов ФБР. – Она хочет вас видеть, – прошептала миссис Спиллейн.

– Кто хочет? – спросил я, заметив, что также перешел на шепот. Ситуация выглядела занятой.

Миссис Спиллейн рассматривала меня в нашей новой непосредственной близости. Я представил на мгновение, что же она видит: крупный американец, с начавшими сидеть висками, с белками глаз, исчирканными красными каракулями. Могла ли она прочесть в этих рунах расстройство биоритмов, вызванное перелетом через океанские дали, мою затянувшуюся бессонницу, привычку покуривать травку и неоспоримое отцовское горе? Трудно сказать.

– Ну, она же! – выразительно откликнулась хозяйка, подавшись вперед, и попыталась, видимо, подмигнуть мне.

Травка превращает большинство курильщиков в параноиков, но я не мог списать на наркотик мое вездесущее ощущение того, что этот мир ополчился против меня: оно бывало и прежде, до того как я начал этот загул. О чем она толковала? Может, я что-то упустил?

– Простите, – начал я, – но я понятия не имею...

Она сунула сверток мне в руки. На секунду у меня мелькнула безумная идея, что моя бывшая жена выследила меня и послала какой-то отвратительный пакет: экскременты, сперму своего любовника, отрезанную собачью голову.

Потом я взглянул на знакомую голубую тесьму, опоясывающую картонную коробку. Это был дедушка.

– Ох, – недоуменно произнес я. – Откуда...

– Вы забыли это возле ее машины. Когда помогали ей.

Я прижал к себе дедушку. Мне вспомнилось, что я отставил его в сторону, взявшись за домкрат, но как же я мог забыть забрать его?

– Прости, дедушка, – пробормотал я.

– Упокой Господь его душу, – афористично молвила миссис Спиллейн, перекрестившись.

– Да, спасибо вам, – сказал я. – Что ж, – я потянулся к двери, – думаю, мне пора спать и...

Миссис Спиллейн взялась за край двери, не позволив мне закрыть ее.

– Она хочет поговорить с вами, – опять прошептала она.

– Кто она?

– Да она же, – раздраженно выдала хозяйка.

– Вы имеете в виду... ту... – в одурманенном травкой состоянии мне с трудом удалось сосредоточиться, чтобы не назвать ее «костлявой вешалкой», – длинноволосую женщину?

Миссис Спиллейн склонилась ближе ко мне. Сосредоточенно нахмурившись, она разглядывала меня с таким видом, словно намеревалась купить, но в итоге, видимо, пришла к заключению, что у меня слишком много недостатков.

– Вы же знаете, как ее найти? – прошептала она, в очередной раз глянув через плечо.

– Кого?

– Так вы не знаете? – помедлив, повторила миссис Спиллейн.

– А должен? – спросил я, подумав, долго ли еще мы с ней будем продолжать этот сомнительный разговор.

– Она не сообщила вам?

Я немного смутился, но быстро пришел в себя, спросив:

– С чего бы ей сообщать?

– Гм-м, – озадаченно протянула миссис Спиллейн, помолчала и, резко развернувшись, добавила: – Мне придется позвонить.

Я остался стоять с дедушкой возле дверного проема. Закрыв дверь, я прижался лбом к полированной древесине. Что-то в столь близком созерцании струящейся древесной текстуры побудило меня принять решение, поднявшееся из глубины моего существа точно живительные соки: пожалуй, с меня хватит. Эта таинственная глупость стала для меня критической точкой. Хватит с меня здешних дождей, травки, одиноких вечеров, поездок с дедушкой. И вместо того, чтобы докурить потушенный косячок, я решил запаковать вещи и рвануть в аэропорт. Вернусь домой более ранним рейсом: я получил то, ради чего приехал, и устал от сюрреалистичных умственных вывертов местного населения. Я чувствовал себя не в своей стихии, не то чтобы уж совсем как выброшенная из воды рыба, а скорее как рыба, беспомощно барахтающаяся у берега в приливной волне. Я покину Ирландию и никогда в нее не вернусь. А дома попытаюсь исправить то, что осталось от моей жизни.

Я выпрямился. Пересек комнату, открыл чемодан и начал закидывать в него вещички. Размышляя, как предпочел бы путешествовать дедушка – в ручной клади или в багажном отсеке, – я услышал очередной стук в дверь.

Миссис Спиллейн, как прежде, стояла в коридоре: передник, волосы, скрещенные руки.

– Она будет ждать вас завтра, – сообщила она приглушенным замогильным голосом. – В десять на том перекрестке.

Я недоуменно хмыкнул.

– Я сообщила ей, что завтрак заканчивается в половину девятого, поэтому вы могли бы добраться и раньше, но Клодетт сказала, что десять часов ее прекрасно устраивает.

– Погодите минутку...

– Я покажу вам, как добраться до того перекрестка. За завтраком получите карту.

Она исчезла, удалившись вправо по коридору, а я стоял, тупо таращась в пустой дверной проем.

– Разумеется, ее никак не могли звать попросту Джейн или Сара, – разглагольствовал я перед дедушкой, швыряя книги в портфель. – Нет-нет, никаких Эми, Лаура или Клэр. Это определенно могло быть только нечто иностранное и причудливое, типа Клод...

Окончание ее имени так и не сорвалось с моего языка, когда в моем сознании что-то сдвинулось. Казалось, обрушилось целое здание и вокруг меня валялись кирпичи и балки. Я внезапно прозрел, внезапно вспомнил, где видел ее раньше. Она была танцовщицей. Или врачом? Она предстала перед моим мысленным взором последовательно в образах инвалида, убийцы, сыщицы, няни. Я мог ожидать, что она окажется француженкой, испанкой, итальянкой, персиянкой. Она ловко обманывала смерть, умирала от рака, в автомобильной аварии, от пневмонии или от нападения тигра. Она умела убивать и умирать. Я мог представить ее пятнадцатилетней девчонкой или почтенной шестидесятилетней матроной. Она умела на глазах у всех бороться, драться, красть, лгать, мошенничать, спасать жизни, рожать детей, делать минет, стрелять, плавать, танцевать, одеваться, раздеваться и так далее в том же духе.

Не вполне точно было бы назвать ее известной. Известностью она обладала и до того, как стала заниматься знаменитым делом; а позже известность переросла в некую позолоченную, божественную сферу популярности. В наши дни ее признанную славу фильмов превзошло таинственное исчезновение на самом пике карьеры. Она исчезла, словно по мановению волшебной палочки. «Та-да-да-дам!» – под звуки фанфар. Вот такая история. Тем самым она превратилась в одну из самых обсуждаемых загадок нашего времени.

Не знаю, надеялась ли она своим исчезновением уменьшить свою известность, но в реальности оно возымело противоположный эффект. Пресса не склонна легко воспринимать такое безрассудство, а еще меньше – чокнутые киноманы – зачастую бородастые типы, готовые по малейшему поводу цитировать текст, обсуждать сценарные ошибки или вспоминать эпизодические роли, сыгранные актерами до их восхождения на олимп славы. Они вечно задавались вопросами, как, почему и куда она исчезла, жива ли она еще, с кем она может еще общаться и вернется ли когда-нибудь в мир кино? С завидным постоянством они до сих пор пытались разыскать ее, рассылали всевозможные сведения о ней по Интернету, и эти поисковые сайты изобиловали размазанными, зернистыми снимками тех, кто имел с ней мимолетное сходство. Я не особо активный кинозритель, но даже мне в общих чертах известна ее история: взаимоотношения с известным режиссером, их спорное сотрудничество, ее вспыльчивая репутация и завершающее исчезновение. Не умыкнул ли ее какой-то журналист или фотограф? Неужели она бросила съемки в середине фильма, доведя солидную студию до банкротства? Ответа на подобные вопросы никто не знал. И, что бы ни слу-

чилось на самом деле, она удачно совершила то, о чем таким звездам приходится только мечтать: она бросила прежнюю жизнь, покончила с ней, она просто исчезла.

А я нашел ее.

* * *

Человек за письменным столом. Голова склонилась, лоб покоится на руках. Экран компьютера изливает на его волосы и одежду холодный, анемичный свет.

Этот человек за письменным столом – я.

Я сидел там, в своем кабинете, подперев опущенную голову кулаками. Мой блуждающий взгляд перемещался с края стола на покрытые брюками колени, на каблуки моих туфель, и завершал этот обзор оранжевый параллелограмм ведомственного паласа. Я по-прежнему в куртке, и по-прежнему со мной большая дорожная сумка. Нос еще улавливал остаточные запахи кабинетов, заполненных поездов, всех тех мест, которые я обычно пытался избегать. Сумка теснилась рядом со мной на кресле, ее ручка далеко не эргономичного размера, похоже, тоже претендовала на свое место в этом пространстве.

Из-за двери доносились голоса студентов, шатавшихся по коридору, их болтовня, ворчание, случайные столкновения. Перестук каблуков. Просигналил чей-то мобильник, получив сообщение. Чей-то вопрос: «Да, и в любом случае, кто бы мне поверил?» – возмущенный голос.

Лекция прочитана. Все слова сказаны, странная фраза разобрана. Теперь студенты осведомлены, каковы различия между «пиджинами и креолами». Им даны теоретические основы креольской грамматики, и будем надеяться, что они попытаются осмыслить их. Я отстоял перед ними около часа. Благополучно закончил доклад. Мы обменялись взглядами в отведенное для вопросов время. Я сделал то, ради чего явился сюда.

И что теперь? Пора отправляться в аэропорт. Надо бы собрать вещи, привести в порядок стол, ответить на несколько последних писем.

Но я способен только празднично сидеть за письменным столом. Мои мысли хаотично металась между Бруклином и Николь Джэнкс, не в силах ни на чем сосредоточиться. Мой отец, этот чертов юбилей, и ошеломляющая новость.

Я поднял голову. В поисковой строке браузера видны два слова. Они появились там полтора часа тому назад, когда я вернулся в свой кабинет.

«Николь Джэнкс», – сообщил мне монитор, его крошечные пиксели сформировали буквы ее имени. Не думаю, что мне доводилось печатать их раньше, до того как в мою жизнь вошли компьютеры. Сейчас даже странно подумать о тех годах, когда мы вполне счастливо жили без их постоянного присутствия.

Курсор маячил за последней буквой фамилии, пульсируя, ожидая указаний – щелчка по клавише ввода – верной ищейке, готовой выполнить распоряжения и отыскать все, что мне требуется.

Все это время я сидел здесь, не в силах решить, хочу ли я что-то знать. Стоит ли мне нажать на эту клавишу. Что будет, если нажму, и что будет, если не нажму? Изменится ли что-нибудь в любом случае? Мысли, что крутились обломками в водовороте моего ума: «Пожалуйста... пусть это случилось не в том году. Пусть это случилось позже. Пусть она умерла в конце восьмидесятых или в начале девяностых. Пусть это случилось с ней в тридцать или сорок лет, вполне благопристойно. Пусть она попала в аварию, ее сбила машина, она упала с велосипеда или со скалы. Пусть она заразилась какой-то редкой неизлечимой болезнью. И главное, пусть она умерла быстро, безболезненно, в компании родных и близких. Что еще, в конце концов, может просить любой из нас?»

Просто пусть это случилось не в том безлюдном лесу в бархатных сумерках рассвета. Пожалуйста.

В детстве я любил играть в раскраски-головоломки с набором, казалось бы, совершенно несвязных точек. Но соединяя номер за номером карандашной линией, можно нарисовать некую форму в этом кажущемся хаосе, извлечь смысл из точечной путаницы. Больше всего мне нравилось, добравшись до середины пути – когда уже видны четкие линии, попытаться догадаться, что же получится в итоге. Ракета? Трактор? Пальма, парусник, динозавр, остров? Могло оказаться все что угодно. И лучшими оказывались те рисунки, которые никак не угадывались. Ты думал, что получается паровоз, но в результате получался извергающий дым дракон. Ты думал, что рисовал кошку, а дорисовал игуану.

Такое же ощущение беспорядка между мыслимыми и реальными действиями окутывало меня, пока сидел в кабинете, вжимая локти в столешницу. Я привык думать, что моя жизнь шла по накатанной колее, но, оказывается, на этой самой колее могла разверзнуться пропасть.

Я снял ремень сумки с плеча, позволив ей упасть на пол. Достал сигареты, ослабил узел галстука и развернулся на кресле, переложил какие-то документы с одного края стола на другой, и вдруг, стремительно, не дав себе времени остановиться, повернулся к компьютеру и щелкнул по клавише ввода. Сильно щелкнул, даже палец заныл от удара.

Появилась иконка песочных часов, крошечные зернышки электронного песка проскальзывали в тонкую талию. Часы перевернулись, раз, другой. И вот появляется синий список. Библиотечные каталоги, в основном из университетов. Номера и коды ее академических документов, участие в редакции учебников, упоминание о более ранней радиопередаче, с предложением загрузить аудиоподкаст. Насколько я понял, последнее предложение должно выявить сведения о ее биографии, поэтому я щелкну по этой иконке, и вот она развернулась передо мной... короткая жизнь Николь Джэнкс.

Дата рождения, национальность, школы, колледжи, дипломы, степени, преподавательские должности, публикации: какие странные извлечения, как будто в конечном счете мы являемся лишь набором географических координат и профессиональных достижений. Неужели такой набор останется после каждого из нас – закодированные в компьютере голые факты?

Четыре цифры этой биографии режут мне глаза, точно холодная сталь. Год ее смерти, увы: «1986» – кажется одновременно опустошительным и неизбежным. «Конечно, – подумал я, – конечно, это случилось именно тогда». И вдруг я осознал, что уже предчувствовал, даже знал это. Возможно, знал давно.

Пятью минутами позже я прошел по серым бетонным плитам, отделявшим университет от окружающего мира. Мне необходимо глотнуть воздуха, пройтись, сменить обстановку. Нужно найти такси. Нужно отвлечься. Я не мог больше оставаться в том замкнутом кабинете перед обличающим монитором. В моем портсигаре три свернутых сигареты, и я намерен выкурить их, одну за другой, прежде чем поеду в аэропорт.

По мосту навстречу мне, едва не задевая край тротуара, мчался плотный поток машин. Впереди велись ремонтные работы, от цистерны с обезвоженным дегтем расплзались дымные облака, распространяя удушливый смрад. Под мостом коричневела взбухшая от дождя река, ее маслянисто блестящие волны плескались в каменных берегах.

Перейдя мост, поблизости от набережной я заметил скамейку, опустился на нее и начал шарить по карманам в поисках зажигалки. Время еще есть, мысленно отметил я, бросив взгляд на часы. Времени предостаточно. Мне просто нужно немного успокоиться, а потом быстро продолжить путь.

Скамейка стояла в одном из тех скверов – островков зелени, заполнявших свободные уличные пространства, причем изумляло уже само наличие таких пустых участков в центре

города, наводя на мысль о возможном кризисе или разгуле стихий, освободивших часть улиц от застройки. Сидя в окружении декоративных живых изгородей и преклоненных головок хризантем, я дрожащей рукой щелкнул зажигалкой и, затянувшись сигаретой, представил себе собственную жизнь, как череду элизий, то есть своеобразных уловок в дымовой завесе, порождавших дыры на жизненном полотне. С виду вроде бы все достойно – муж, отец, преподаватель, гражданин, но в свете тайных подробностей я становлюсь в каком-то смысле дезертиром, обманщиком, убийцей и вором. Внешне я вполне респектабелен, но, если копнуть, в той самой респектабельности полно дыр и ям, как в известняковых пещерах.

«Такси, – монотонно напомнил я себе, – мне нужно найти машину, чтобы добраться в аэропорт и улететь в Бруклин к сестрам и отцу. Мне нужно успеть на самолет и провести с родственниками несколько дней. Мне нужно отметить на этом юбилее... а потом? Потом я вернусь сюда. Вернусь на свою накатанную колею и успешно пойду по жизни дальше. Я не стану рыскать повсюду, выясняя, что произошло с Николь Джэнкс, не стану докапываться до правды. Все осталось в прошлом. Эта женщина давно умерла. Прошло уже больше двадцати лет. Я не стану погружаться в прошлое, точно спелеолог в те изобилующие дырами и ямами пещеры, не стану ничего раскапывать. Надо сосредоточиться, перестать дрожать, успокоить мой галопирующий пульс. Необходимо пока положить Николь Джэнкс на полку памяти, найти такси в аэропорт и настроиться на то, чтобы нормально провести следующие несколько дней с моим папашей и...»

Мое одиночество нарушено. Слева подошел мужчина с ребенком, с девочкой, они устроились рядом на скамейке. Я мельком заметил пару шаркающих кроссовок, с мигающими огоньками на подошвах, брючки с подвернутыми краями. Из памяти непрошено всплыли слова «на вырост», и я повернулся к ним. Увидел девочку и ее отца.

Именно ребенок мгновенно привлек мой взгляд. Она стояла, вытянув руку перед собой. Я заметил, что рука покрыта коростой и девочка чесала ее с той отчаянной и увлеченной сосредоточенностью, что обычно свойственна больным экземой. Бедняжка раздирала внутреннюю сторону локтя, царапая ее ногтями, поглощенная поиском облегчения, поиском каких-то ощущений, каких угодно, отличных от той извечной зудящей пытки. Я сразу узнал ту мрачную решимость в детском взгляде, исполненное сосредоточенности страдание.

И вот тогда обнаружилась очередная дыра, очередная яма в жизни Дэниела Салливана. Возможно, самая большая, самая опустошительная из прочих. Мне пришлось резко подняться со скамьи, встать, заставить себя удалиться, так велико оказалось раздражающее мое сердце горе. Я двинулся вперед, с трудом переставляя ноги, но шаг за шагом упорно увеличивал расстояние между мной и той парой в сквере. Я постарался сосредоточить взгляд на аллее. Моя походка отличалась неуверенностью и осторожностью, словно твердость здешней земли вызывала у меня сомнения, а именно зыбкой она мне и казалась, виделись те подземные потоки, из-за которых почва в любой момент могла разверзнуться под моими ногами. Глянув на проезжую часть улицы, я поискал взглядом свободное такси. Где-то я успел потерять или уронить сигарету. Дрожь, начавшаяся в ногах, постепенно охватила все мое тело, словно предвещая приближение сейсмической волны.

На выходе из сквера я смогу позволить себе оглянуться на того ребенка возле скамейки. Так я успокаивал себя, по мере удаления от них. Я увидел такси, поднял руку, и машина замедлила ход. За мгновение до ее остановки я оглянулся. Девочка плакала: отец, склонившись над сумкой, видимо, искал мазь, лосьон, что-нибудь успокаивающее. Пытаясь увидеть результат его поисков, я вытянул шею и подался вперед, тут же почувствовав, что в ребра мне уперся какой-то твердый предмет. Ощупав внутренний карман куртки, я скользнул ладонью по шелковистой подкладке. Пальцы наткнулись на успокоительный четырехугольник моего паспорта. С вложенным в него билетом. Итак, мне предстоял полет в Штаты, первое за пять

лет возвращение в дом моего отца. Таково содержимое моего нагрудного кармана, прямо под которым ухает, трепещет, мое предательское сердце.

Я не актриса

Клодетт, Лондон, 1989

Близился девяностый год, самое начало последней декады тысячелетия, и мы как раз только что прибыли в Лондон. Совсем недавно выпорхнули из университета. Всего несколько месяцев тому назад наши головы были забиты идеями критической теории¹³; ночами мы зубрили даты европейских войн или хитрые глаголы несовершенного вида в русском языке. Мы входили в экзаменационные залы, выбирали билеты, садились за столы, вооружались нашими ручками, осознавая, что сидим на последних в своих жизнях экзаменах.

Мы накопили огромный багаж разнообразных знаний! В нем хранились очередность пьес Шекспира, определяющие характеристики вилланеллы¹⁴, названия всех до единой мышц человеческой руки, бесчисленное множество сходств и отличий в разнообразных переводах «Илиады». Мы стали экспертами, в нашем смысле, вооруженными острыми шипами знаний: мы знали все, что должно знать в одной достаточно узкой области.

И что же дальше? А дальше мы обивали пороги любых контор, готовых принять нас, теперь мы искали реальную работу.

Теперь мы скрупулезно изучали колонки вакансий в газетах.

Теперь мы задумались о том, зачем же мы все это изучили, что же нам делать с этой информацией, как жить дальше. И осознали, что все полученные нами знания бесполезны. Что никого не интересует, какой именно диплом мы получили. Или как распознать метонимию, или каковы даты жизни Чосера, или последние слова Робеспьера, или этапы объединения Италии, или тонкости иностранной политики Дизраэли¹⁵. Увы, мы быстро поняли, что это никому не нужно. Нам задавали лишь практические вопросы: умеете ли вы печатать? Знакомы ли вы с электронной обработкой текстов, составлением электронных таблиц, с системами телефонной связи? Можете починить фотокопировальное устройство? Умеете работать с аппаратом факсимильной связи? Сможете ли отвечать на телефонные звонки, наряду с этим готовя кофе, просматривая почту и сортируя входящие бумаги?

Порой мы удивлялись, неужели такова «ценность» наших дипломов.

Да, подходил к концу восемьдесят девятый год. Мы щеголяли по Лондону в коротких юбках, плотных колготках и крошечных футболках, не скрывавших наших плоских, бездетных животов, в ярких неоновых кроссовках и в красочных ветровках, купленных на прилавках барахолки. Мы жили надеждами. Нам хотелось работать. Устраиваясь на временную работу в офисы, мы присматривались к нарядам сотрудников. Какой странный стиль одежды они предпочитали! Мы удивлялись и изучали. Брючные костюмы, туфли на шпильках, блузки с накрахмаленными манишками и стоячими воротничками, дамские сумочки с кожаными карманами и латунными деталями, твидовые куртки с застежками на пуговицах. И прически: прямые или старательно выпрямленные волосы, удлиненные стрижки, обрамляя лицо, покачиваясь строгими волнами. Как достичь столь изысканного облика, когда мы

---

¹³ Социально-философское направление, сложившееся к концу 1920-х годов, связано с именами представителей Франкфуртской школы и получило название «критической теории общества».

¹⁴ Вилланелла – форма/жанр итальянской лирической, пасторальной, часто с комическим оттенком поэзии и многоголосной музыки.

¹⁵ Бенджамин Дизраэли (1804–1881) – известный английский государственный деятель Консервативной партии Великобритании, писатель, один из представителей «социального романа».

не располагали ни уютном, ни постоянным жильем, ни регулярным жалованьем, и в наших чемоданах лежала только помятая одежда, не подходящая для нашей новой деловой жизни?

Мы усердно штудировали газеты и журналы, узнавая, что Лондон в то время являлся клевым, крутым эпицентром, что лучшие группы каждый вечер играли в ближайших пабах. Нам не удавалось толком проникнуться ночной жизнью. Если мы забредали в пабы, то они казались нам какими-то мрачными и тесными, компании сидели спиной друг к другу, музыка, несущаяся из скрытых динамиков, прорезала дымовую завесу. Лондон тогда лишь доводил нас до истощения, ведь мы стремились поддерживать видимость сведущих деловых людей, несмотря на долгие, путанные поездки в метро, поиски компьютерных контор, дававших возможности писать, переписывать и распечатывать наши резюме. Лондон представлял, безусловно, массу возможностей для собеседований, для отчаянной борьбы на пути поиска собственной ниши – на худой конец, скромного эркера, точки опоры – в этой обширной, чреватой опасностями экосистеме, да, мы жаждали добиться успеха, обретя ту волшебную пару – работа плюс квартира – при наличии единовременного везения, ведь одно казалось невозможным без другого. В общем, мы прозябали на временных работах и продолжали накапливать опыт на диванах многострадальных друзей, родственников или любовников, не теряя надежды найти тот самый золотой ключик к заветной двери, убедить этот город признать нас, успеть вскочить в нужный поезд, достичь заветных высот и с гордостью сказать: «Да, вот мой адрес, и да, я предпочел бы приобрести месячный проездной...» – и больше не думать, где бы раздобыть мелочь для покупки очередных дневных билетов на проезд.

Познавая прелести столичной жизни, мы таскались повсюду, ведь мы стали взрослыми, обрели свободу, к тому же мы не могли каждый вечер надоедать нашим близким, на чьих диванах мирно спали. Просматривали репертуар всех подвальных кинозалов, смотрели все фильмы, о которых много слышали, но не имели шанса увидеть. Проводили вечера на складах в восточном районе города, где в громкоговорителях пульсировали ритмы драм-н-бэйс или джангла¹⁶, парни в вязаных шапчонках предлагали нам кокаин, и все обсуждали знаменитого артиста, чье прибытие ожидалось с минуты на минуту. Мы сговаривались о встречах по телефону на работе, в обрывочных разговорах уславливаясь о свиданиях в кафе или барах, уже известных не понаслышке кому-то из нас. В свободное время, вооружившись картами города и дневными билетами, мы сами отправлялись изучать городские достопримечательности. Постепенно наши разрозненные знания о городе начали складываться в систему. Однажды мы сообразили, что нам нет необходимости спускаться в метро, чтобы доехать с «Лестер-сквер» до «Ковент-Гарден»: между этими станциями всего пять минут ходьбы.

Один из нас получил работу, приличную работу, в газете. Мы пребывали в изумлении. Мы звонили друг другу, радостно обсуждая такую удачу. Некоторые из нас завидовали. Потом кому-то из нас досталась должность сотрудника в художественной галерее. Очередные взволнованные обсуждения по телефону.

Самое страшное не в том, что этот город мог нанести вам поражение, не в том, что вы могли не найти работу, могли не обеспечить себе квартиру, могли перепутать линии метро, не разобравшись, какого они цвета и где пересекаются; самым страшным, лишавшим нас сна по ночам, казалось то, что придется вернуться домой. Возможно, пришлось бы приехать к родителям и сказать: «Я вернулся. Не смог ничего сделать. Не справился. Не смог ничего добиться»

Постепенно все больше наших знакомых находили работу. Один подписал аренду на дом на набережной, и там устроили вечеринку, и вы стояли на балконе, вдыхая смог шум-

---

¹⁶ Драм-н-бэйс и джангл – близкие по сути жанры электронной музыки, возникшие под влиянием ямайской музыкальной культуры в 1989–1990 годах.

ного города, струившего расщепленный свет, и сознавали, как малы ваши достижения и что необходимо действовать как можно быстрее, необходимо срочно что-то придумать.

Опять оправлялись в агентство по найму, осознавая, что явно не понравились тамошней сотруднице. Просто не понравились, по непонятной причине. Вам могли устроить типовую проверку, и вы мило улыбались, радуясь, что пришли в чистой блузке (позаимствованной без разрешения у подруги, предоставившей вам кров на той неделе, пообещав себе, что в тот же вечер выстираете ее и положите на место).

Заметив ваш приход, агент по найму бросала на вас мимолетный взгляд.

– На этой неделе ничего нет, – сообщила она, и вы уже развернулись к выходу, когда она добавила. – Если только...

Вы замерли на верхней ступеньке лестнице.

– Вас интересуют фильмы? – спросила она, взяв какие-то бумаги со стола, сначала одну, потом остальные.

– Да, – ответили вы, – да, интересуют. – И фильмы вас действительно интересовали, но вы могли бы ответить то же самое, даже если бы она спросила о разведении птиц.

– Только что появились кое-какие заявки от одного... киноклуба, – сказала она, мгновенно порождая в вас ощущение стремительного забега на гору – бешенный стук сердца, прерывистое дыхание. Вот оно: это ваш шанс, пропуск, ваш золотой ключик, способ превращения в зрелого самостоятельного человека. Потребовалась вся имевшаяся сдержанность, чтобы не выхватить заветный листок бумаги из ее руки.

– Это небольшая работа, всего на несколько дней, правда, им нужен человек с опытом работы, но вы могли бы зайти туда. Возможно, стоит попытаться. Выделите время, чтобы зайти к ним завтра.

– Я пойду сейчас, – ответили вы, нащупывая в сумке карту.

Этот клуб занимал здание под мостом на берегу Темзы. И вот вы стоите у входа, собираясь с духом, осознавая текущую за спиной реку и автобусы, проезжающие над головой в разные стороны, на север и на юг.

От вас требовалось сложить две тысячи рекламных листовок и вложить их в две тысячи конвертов. Затем две тысячи конвертов следовало снабдить двумя тысячами адресных наклеек и пропустить все конверты, один за другим, через франкировальную машину. Вы получили работу: двухдневную работу. Выполнили ее в подвальном сочащемся сыростью помещении. Вы подумали, что все кончено, но вам сказали вернуться завтра. Вы явились. Вас послали к печатникам забрать какую-то посылку. Очередные рекламные листки. Очередные конверты. Франкировальная машина. На следующий день вас послали на почту.

Вы старательно наблюдали за всеми сотрудниками. Подмечали, что они делали, как говорили, что пили. Вы готовили им кофе, не дожидаясь просьбы. Вы взяли старую футболку и, немного подумав, отрезали рукава, подшили края и стали носить ее поверх белой блузки, именно так, как носила помощница программиста.

В конце двухнедельного срока появилась постоянная работа помощника администратора в верхнем офисе, и поскольку вы проявили похвальное трудолюбие, вам предложили ее, зарплата, правда, для начала невелика, но согласны ли взяться за такую работу? Вы ответили: «Да, да, с удовольствием, конечно, согласна, да, я трудолюбива, вполне, да, мне нравится работать, я обожаю трудиться».

Вы выбежали из здания, исполненная эйфории. Чувствуя себя взболтанной бутылкой газировки. Хотелось смеяться, хотелось хохотать во все горло. Вы выбежали по лестнице и помчались через мост Ватерлоо. Не глядя вперед, вы врезались в фонарный столб. На лбу вскочила шишка размером с дверную ручку. Вы даже не заметили.

И вы уже полюбили эту работу, отчаянно стремились полюбить ее. Вы отвечали на телефонные звонки, принимали сообщения, готовили кофе, вводили полученные сведения

в так называемые базы данных (как оказалось, это означало – печатать адреса). Вас изумило то, что в конце месяца на вашем пустом банковском счете появились деньги. Чудесное качество наличия постоянной работы! На следующий месяц история повторилась. Это казалось на редкость простой сделкой алхимического свойства. Требовалось лишь приходить в офис к десяти утра, оставаться там до вечера, выполнять все поручения, и тогда давали деньги.

Изучив колонки сдаваемого жилья в газете, вы нашли подходящую комнату в общей квартире: спальня, рядом с метро, за шестьдесят фунтов в неделю. Эта комната лишь слегка превосходила размер кровати, окно выходило на магистраль и не имело занавесок, но вас это абсолютно не волновало. Вы отправили новый адрес родственникам, матери и брату, друзьям и всем прочим знакомым. Вас переполняла гордость.

Глава Киноклуба, проявляя внимание, могла, при случае, сказать: «Вам нужен человек вашего калибра». Вы не понимали, что она имела в виду, но улыбались в ответ и с удвоенным усердием старались не пропускать ее звонки. Она позволила присутствовать на клубных встречах, поручала вам то, что она называла миссиями поиска фактов, просила зачитывать для нее документы. Ей хотелось, чтобы вы вошли в курс дела, как она говорила, чтобы продвинуть вас по службе.

Она отправлялась с вами за покупками, заставляла примерять темных оттенков блузки с воротничком, длинные брюки, туфли со шнуровкой, на резиновой платформе. Вы покрасили свою комнату в серо-белые цвета лондонского неба. Вы выпивали с подругой из газеты, и она поведала вам о том, сколько часов в день трудится, каково ее жалованье и каковы сложности выплат по закладной. По вечерам, уходя из офиса, вы обычно спускались в мерцающий темный кинозал клуба и смотрели фильмы до упора, уезжая домой на последнем поезде метро. На ужин вы подкреплялись попкорном. Фильмы позволили многое осознать, многое увидеть, особенно про упущенные возможности. Хотелось запомнить все, поэтому вы смотрели большинство фильмов по два или три раза.

Когда режиссер или актер приезжали с выступлением или лекцией, вас озадачивали бронированием для них отелей, заказом билетов и столиков в ресторанах. Вы обеспечивали их артистические уборы напитками и закусками и усаживали их в такси по окончании вечера. Порой вы удивлялись тому, как они нервничали. Один известный французский режиссер так распереживался перед самым выходом на сцену, что его буквально стошнило. Один актер, игравший в крутых блокбастерах, до того как заняться режиссурой низкобюджетного фильма независимой телекомпании, говорил, что не способен выйти на сцену, не приняв двойной виски.

Вы заботились обо всем, выполняли любой каприз, любое требование. И обнаружили, что вполне справляетесь с такой ролью.

Вы перебрались в другую квартиру; на сей раз еще ближе к метро. Комната обрела желтый цвет, но на кровать вам приходилось забираться по лесенке. Возвращаясь поздно с работы, вы порой лежали в ней, представляя, будто попали в покачивающуюся каюту корабля, увозящего вас в ночное путешествие, и что вы могли проснуться в совершенно другом волшебном мире, не в том, где уснули.

Напротив кровати находилось овальное оконце. Вам хотелось снять занавеску, но вы не могли дотянуться до нее. Вам нравилось смотреть на ночной город. Вы обещали себе, что перекрасите стены в бело-серый цвет, но так и не выкроили время.

Теперь вы уже знали этот город. Стали его частью. Больше не приходилось таскаться с картой в кармане. Люди на улицах просили подсказать, как добраться до того или иного места, и вы могли им помочь. Вы стали выглядеть как типичные уроженки Лондона, одевались как они, ходили как они, быстро и ни на кого не глядя. Вы старались звонить маме раз в неделю, но часто забывали. «Да, – говорили вы ей, – у меня все в порядке, все хорошо, да, я нормально питаюсь, да, и с работой все прекрасно». Она не понимала, в сущности,

что это за работа. Скорее всего, думали вы, она рассказывает знакомым, что вы работаете кинорежиссером.

Клуб устроил ряд событий по поводу европейского кинематографа новой волны. Вы организовали прилет группы молодых иностранных режиссеров и их свиты: некоторые прибывали из Берлина, Милана или Барселоны, некоторые из Лос-Анджелеса. Эти события вызвали огромный интерес. Названивали журналисты, жаждущие интервью. Билеты были распроданы. Глава Клуба организовала несколько дополнительных выступлений, и опять – полный аншлаг. Вы бронировали отели, поддерживали связь с секретарями, составляли расписание встреч с прессой.

Носились с одного интервью на другое. Телефоны трещали непрерывно, звонки поступали с разных концов мира, всех интересовали эти режиссеры: названивали продюсеры из Штатов, журналисты из разных стран, жены, подружки, агенты по подбору актеров, менеджеры. Вы принимали звонки, записывали сообщения, разносили записи по назначению. В Клубе царила гудящая суeta с почти осязаемым безумием. Наслушавшись интервью и телефонных звонков, вы сделали вывод, что всем этим режиссерам нет еще и тридцати лет. Они открывали новые грани кинематографа, расширяя потенциальные способы съемки.

Оставалось провести званый ужин. Этот ужин поручили заказать вам. Ресторан выбирать не понадобилось – нужное заведение в Сохо принадлежало одному артисту, – но вы позвонили туда, подтвердили число персон; со всей ответственностью обсудили и диетические требования гостей. Разослали приглашения представителям прессы, тщательно отобранным и одобренным главой Клуба. На требуемое время вы заказали для всех такси и, соответственно, заходили к каждому режиссеру, сообщая, что машина прибыла, собирали их вместе, доводили до выхода, за которым стояли в ожидании автомобиля, и давали указания шоферам: на тот берег, в Сохо.

Когда вы уже захлопнули дверцы предпоследнего такси, кто-то потянул вас за рукав. Вы обернулись. Один из режиссеров держал вас за руку, его указательный палец проник вам под манжету.

– А вы поедете?

– Нет, – ответили вы, – сегодня не поеду.

Правда заключалась в том, что вас не пригласили, вы занимали слишком низкое вспомогательное положение, но признаваться в этом вам не хотелось.

– Очень жаль, – произнес мужчина в американской манере со скандинавским акцентом.

Вы знали, что этот коротко стриженный блондин прибыл из Швеции. Бывая на встречах с другими режиссерами, он выглядел сдержанным и настороженным и говорил немного.

Вы пожали плечами и улыбнулись. Жестом предложили ему занять место в последнем такси, где уже сидели в ожидании два других режиссера.

Но блондин не сдвинулся с места.

– А вы сейчас в какую сторону направитесь? – спросил он.

– В сторону дома, – ответили вы, – я собираюсь прогуляться по мосту, а потом сяду на метро.

– Вы не против, если я прогуляюсь с вами? – спросил блондин, закуривая сигарету, и, приподняв сначала одно плечо, а потом и другое, пояснил: – Я просидел в номере целый день. И сейчас мне как раз просто необходима прогулка.

– А как же ужин? – спросили вы, и этот мужчина, его звали Тимо Линдстрем, выразительно махнул рукой, показывая, что такси может уезжать.

– Могу же я опоздать, – сказал Тимо Линдстрем.

Вы направились к мосту. Он пошел с вами. Он поведал вам истории о других режиссерах, порой неприличные. Рассказал один анекдот из своей ранней жизни, когда он увивался за одной актрисой, удостоившей его просьбой застегнуть ей накладные груди. Вы старались

не волноваться из-за ужина: разве вас обвинят, если он не появится там? Что скажет ваше начальство, если за столами обнаружится пустое место? Может, он все-таки отправится на званый ужин, когда вы перейдете на другой берег Темзы?

Он не проявил ни малейшей склонности направиться в тот ресторан. Вы свернули на Олдуич, прогулялись до Холборна, свернули к Ковент-Гарден. На площади Кембридж-серкус, приняв нужное решение, вы остановились.

– Ресторан в той стороне, совсем близко, – сообщили вы, с улыбкой показав в сторону квартала Сохо. Вы протянули ему руку на прощание.

Он глянул на вашу руку и рассмеялся.

– Вы думаете, что я хочу пойти на этот ужин? Думаете, поэтому я прогуливаюсь с вами? Да я ненавижу такие ужины. Ненавижу всех этих парней. Их самовлюбленная трескотня доводит меня до безумия. Я иду с вами, потому что мне хочется где-нибудь выпить вместе с вами.

– О, – сказали вы. – О, все ясно.

Вы отправились выпить. Вы втайне гордились тем, что знали приличное местечко прямо за углом, несколько ступенек вверх и прямо к цели. Каждое окно украшали грязные китайские фонарики. Столик слегка шатался. Тимо утвердил его, подложив под ножку пивную подставку. Для проверки вы облокотились на столешницу: стол больше не качался.

– Волшебство, – сказали вы.

Он расспрашивал вас о вашей работе, о Лондоне, о том, откуда вы приехали. Вы рассказали ему о вашем английском отце и французской матери, как они были дико несовместимы, но как-то умудрялись ладить, о том, что ваш отец умер, когда вы были подростком, и как вы и ваш брат ненавидели загородную общеобразовательную школу и жили только ради каникул, когда ваша мать увозила вас обратно в Париж. Она была, сказали вы, единственной матерью, которая приходила на родительские собрания в нарядах от Шанель.

Слушая ваши откровения, он продолжал разглядывать вас с таким упорством, словно собирал сведения, которые могли пригодиться позже, или обдумывал очередной вопрос, очередное направление своего расследования. Вы еще рассказывали о том, как переправлялись на машине во Францию, когда он попросил:

– Расскажите мне поподробнее, как вы росли в двуязычной семье? Вы упоминали, что ваша мать эффектно появлялась в актовом зале вашей школы, но в каких именно нарядах она приходила?

Сам Тимо рассказал вам о том, что написал сценарий. О компании друзей, отправившихся в поход на безлюдный шведский остров.

– Дело происходит в реальном времени, – пояснил он и, не закончив описания технических сложностей, вдруг спросил: – А вы играли когда-нибудь?

Вопрос так удивил вас, что вы растерялись. Потом покачали головой, слегка усмехнувшись, и сказали:

– Нет, никогда, может, только пару раз в школьных постановках, но по-настоящему ни разу.

– Послушайте... – начал он и усмехнулся. – Простите, я не знаю вашего имени. Как вас зовут?

– Клодетт, – ответили вы.

– Клодетт, – повторил он, взяв вашу ладонь и пожав ее; в правой руке он держал выпивку, поэтому рукопожатие сделал левой. Оно вызвало у вас ощущение какого-то странного однобокого дисбаланса. – Я рад, что познакомился с вами. Очень рад. – Он продолжал удерживать вашу руку, хотя в этом уже отпала необходимость. – Мне еще не приходилось встречать никого, кому бы так идеально подходило выбранное родителями имя.

Вы высвободили свою ладонь. И сделали большой глоток коктейля. Вы сомневались в том, что эта встреча – если это вообще можно назвать встречей – могла хорошо закончиться. Не повредит ли вашей работе, если вы переспите с этим режиссером? Трудно судить, ведь вы пока проработали в офисе слишком недолго. Да и хотите ли вы вообще переспать с ним? Вы никогда не встречались с режиссерами, до сих пор вы дружили только со студентами, да и сами совсем недавно закончили учебу. Вам еще не приходилось спать со взрослыми мужчинами. Вы осознали, что должны решить, в какой ситуации можете оказаться через несколько минут, поскольку события, похоже, развивались слишком стремительно. Понимая, что обманывать старших нехорошо, вы осознали, что нужно либо спешно бежать, либо остаться и посмотреть, к чему это приведет. Пребывая в смущении, вы позвякивали кубиками льда в стакане.

Тимо продолжал рассказывать про свой будущий фильм, о том, как вы подходите для участия в нем. Это вызвало волну такого дикого раздражения, что вы отбросили любые мысли о продолжении такого знакомства. Поверхностная, завлекательная линия казалась очевидной и банальной, и вас оскорбило то, что он мог считать такой подход результативным. Как он посмел думать, что вы клонете на такую чепуху? Или он считает вас совсем ребенком?

Вы бросили соломинку обратно в стакан, когда он сообщил, что наблюдал за вами целую неделю.

– У вас, – заметил он, – на редкость живое лицо. – Ему также понравилось, как вы хмуритесь и естественный взлет ваших высоких скул. Вы решили, что с ним все ясно. Вы не будете спать с ним. Допьете коктейль, а потом отправитесь домой.

– Вы будете великолепны в этой роли, – произнес он приглушенно, – она подходит вам абсолютно и совершенно.

Вы нащупали под столом вашу сумочку.

– Но я совсем не актриса, – возразили вы, положив сумочку на колени.

– Как раз именно поэтому, – воскликнул он, – вы так совершенны. Мне не нужны актеры для моего фильма, не нужны натренированные, как цирковые животные, персонажи, знающие, как показать себя перед камерой в лучшем виде. Это все так стереотипно, так нарочито. Я намерен собрать людей, которые и близко не подходили к съемочным площадкам. Тогда все будет свежо и непредсказуемо. Я хочу разорвать руководство по производству фильмов и создать новый путь для сценического воплощения. Никаких профессиональных актеров. Только настоящие, реальные люди.

Вы пристально посмотрели на него. Он ответил вам таким же пристальным взглядом. Это напоминало игру в гляделки, кто первый моргнет.

– Я не пытаюсь заигрывать, – заявил он, и вы невольно моргнули. – Клянусь. Я не смешиваю работу с романами. И к тому же у меня есть подруга в Гетеборге, – признался он и добавил: – Мы с ней вместе учились в художественной школе.

– Но у меня есть работа, – ответили вы, – и я не хочу быть актрисой.

Он коснулся пряди ваших волос. Они были длинными, хотя позже станут гораздо длиннее. Он поднес прядь к свету, потом подергал и, казалось, удивился, что она не удлиняется так, как ему хотелось бы.

– Ну и что же, – откликнулся он, – почему бы вам, ради исключения, не попробовать на сей раз?

Сноски внизу страницы

Найл, Сан-Франциско, 1999

Найл Салливан стоял в ожидании на крыльце школы – его отец, разумеется, опаздывал. Он приподнял руки в стороны, отстранив их от боков, и растопырил пальцы, чтобы утренний затихающий ветерок свободно обвевал все тело и пальцы, между которыми в другой жизни, возможно, были перепонки. Его кожу, самый наружный слой, покалывало, она горела как лава. Если он стоял неподвижно, то одежда не терлась о кожу. Это один из способов, придуманных Найлом для облегчения мучений от экземы. Совладающие стратегии, так называл их доктор.

Когда из-за угла донеслось шуршание отцовской машины, Найл сделал два шага в сторону, потом отступил назад – это передвижение напомнило ему ход шахматного коня – и скрылся за колонной.

Он открыл ранец, вытащил бинокль, накиннул ремешок через голову на шею и слегка высунулся из-за колонны, только чтобы суметь увидеть в бинокль крупный план отца, сидящего за рулем автомобиля.

«Дэниел, – отметил он про себя, – опоздал на девять минут. Выражение лица напряженное, мрачное – еще более мрачное, чем утром».

Совсем недавно Найлу позволили взять свою первую в жизни книгу из взрослого шкафа библиотеки. Он выбрал книгу об астероидах и впервые увидел совершенно необычную компоновку страниц. По тексту были разбросаны маленькие числа, а прямо внизу страницы совсем мелкими буквами – приходилось даже щуриться, чтобы прочесть их, – приводились дополнительные сведения. Они называются «сноски», сообщил ему отец, когда мальчик спросил, и объяснил ему, как с ними связаны эти числа и как найти пояснительную информацию. Найла поразила эта система, потрясла своей строгой красотой, ведь наряду с главным изложением можно прямо тут же в конце страницы получить добавочную полезную информацию о непонятных для тебя словах. Тогда же он решил, что и его жизнь тоже нуждается в сносках и что только он сам, Найл, способен обеспечить их.

Разглядев в бинокль отца, Найл запомнил свои наблюдения: «Опоздал на девять минут. Расстроен, мрачен». Он оформил их. Он зарегистрировал их аккуратно внизу своей страницы, где они будут храниться до того, пока ему не понадобится к ним вернуться. Получилась первая сноска¹⁷.

Наблюдая за отцом, он уловил появившуюся в уме мысль о том, что хорошо бы почесать воспаленное запястье боковой стороной ремешка бинокля, что это облегчит зуд¹⁸. Он уточняет эту мысль. Беспристрастно обдумывает ее. И отбрасывает.

Найл расстегнул манжету, чтобы посмотреть на часы, ремешок которых, как обычно, обхватывал его белые медицинские перчатки. Мельком глянул в небо. И вновь поднес к глазам бинокль. Он продолжал следить за отцом еще полторы минуты, заметив, что Дэниел, обхватив голову руками, раскачивался взад-вперед на кресле, похоже, споря сам с собой, поморщился, потом потер подбородок.

Найл не знал, давно ли он начал заниматься наблюдениями, собирая сведения о своем отце¹⁹; он также не мог четко изложить, что именно он наблюдает. Он просто знал, что дол-

---

¹⁷ Дэниел приехал, опоздав на девять минут. Выражение лица напряженное, мрачное – более мрачное, чем утром.

¹⁸ Легче будет только на несколько минут, потом будет еще хуже.

¹⁹ Недостоверно. Наблюдения начались девять месяцев тому назад, когда ему на Рождество подарили шпионский набор. Набор включал: бинокль, записную книжку, комплект для снятия отпечатков пальцев, ручку с невидимыми чернилами,

жен этим заниматься. Такие же попытки он предпринимал со своей матерью, пытался составить сноски о ее действиях и передвижениях, но с ее определениями было еще сложнее. Казалось, она чувствовала, что он затеял, и ей удавалось ускользать от наблюдений, обнаруживая его потайные места. Дэниел полностью поглощался в свои мысли, что делало его отличным объектом. Найл осознал, что Дэниел многого просто не замечает.

«Тайные наблюдения, – подумал Найл, выходя из-за колонны и направляясь к парковочной стоянке, – в данное время могут казаться несущественными, однако позднее они могут стать очень важными». Пока просто ничего не известно. Как в тот раз, когда он подслушал, как его мать поучительно сказала по телефону: «Тебе следовало бы попробовать пожить с пассивноагрессивным», – и Найл, повторив эту фразу про себя, потом попросил отца объяснить ее смысл. Тот сообщил ему, что понятие «пассивно-агрессивный» представляет собой пример так называемого оксюморона, а потом, немного помолчав, спросил его, с кем тогда разговаривала его мать.

– Может, с ее кузиной? – предположил тогда его отец, а Найл ответил:

– Нет, она говорила с Крисом.

– А кто такой Крис? – поинтересовался отец, и вступившая в разговор Феба сообщила, что Крис работал с мамой, и однажды Крис вместе с мамой приехал забирать Фебу из детского садика и повел обеих есть мороженое, и что он и мама разделили порцию сливочного мороженого с фруктами, сиропом, орехами и сбитыми сливками, только мама сказала, что ей не стоит есть такие изыски, а Крис спросил: «К чему эти вечные запреты?» – но в результате сам съел больше, чем мама, и Феба сочла это совсем нечестным. Их отец, Дэниел, выслушал все очень внимательно. Он даже выключил радио, заметил Найл, чтобы лучше слышать. А когда Феба закончила, на лице отца появилось какое-то отрешенное выражение, словно он думал о чем-то совсем другом. Потом он сказал: «Странно», и Найл отметил это сноской²⁰.

Он резко открыл дверцу машины и забрался на пассажирское сиденье. Его отец, как обычно, вздрогнул, одарил его широчайшей улыбкой²¹ и сказал:

– Ах, привет. Я подумал, что мне удастся заехать и вызволить тебя отсюда.

Вызволяют, насколько знал Найл, обычно из тюрьмы, а школа совершенно на нее не похожа, это своеобразное учебное заведение Найлу нравилось и не нравилось²² одновременно.

Найл застегнул ремень безопасности, но ничего не сказал, его отец не ждал от него болтовни²³, что является приятным разнообразием по сравнению с остальным мировым населением.

– Итак, – продолжил его отец, разворачивая машину и выезжая из школьных ворот на дорогу, – нам назначен прием на два часа, и мы уже в пути, но примут ли нас вовремя, это уже никому не известно.

Найл склонил голову. Он нащупал бинокль, спрятанный под молнией ветровки, пальцы скользнули по окружностям его окуляров. Ранец лежал на коленях, и его наличие действовало обнадеживающе уместно.

фонарик и буклет с азбукой Морзе. Кроме того, маскировочные очки и накладные усы, которые Найл отдал Фебе, а она нарядила в них своего плюшевого далматинца, они его украшают и по сей день. С прошедшего Рождества – это тоже следует отметить в сноске, – уже лежа в кровати, Найл начал слышать, как его родители разговаривали на первом этаже, и зачастую таким повышенным тоном, которым не позволяли разговаривать ему и Фебе.

²⁰ Дэниел выключил радио и сказал: «Странно».

²¹ Хорошие черты Дэниела. № 1: он всегда рад тебя видеть.

²² Нравится: классная доска, прикрепленная к парте точилка для карандашей, научная лаборатория, периодическая таблица, школьные поездки. НЕ нравится: перерыв на обед, перемены, спортивные занятия.

²³ Хорошие черты Дэниела. № 2.

– И вообще, как у тебя дела? – спросил отец, не сводя глаз с дороги. – Ты хорошо продержался?

Найл поднял плечи, позволил им опуститься, мучительно почувствовав, как ткань рубашки коснулась самых болезненных участков его кожи. «Скоро, – мысленно успокоил он себя, – скоро мне станет легче».

Отец склонился в сторону и перевернул ближайшую к нему руку Найла. Вместе они уставились на медицинскую перчатку, испачканную рыжими пятнами на запястье, в местах суставов пальцев и на ладони.

– М-да, – пробормотал отец, – я говорил ей²⁴, что следовало поменять их вчера.

Найл перевернул руку, скрыв пятна. Потом посмотрел на отца.

– У тебя все в порядке? – спросил он.

– У меня? – Отец, видимо, удивился. Машина затормозила на красный свет, и он бросил взгляд на Найла. Их взгляды встретились. – Все отлично, – ответил ему отец хрипловатым голосом, отводя глаза. – Почему бы могло быть иначе?

Странно, но, общаясь с отцом, Найл понимал, что тот думал и чувствовал. Он мог настроиться на мысли отца, точно на волну радиостанции²⁵. Именно сейчас он понимал, что отец расстроен, но старается не показать этого. В его взгляде таился тот еле сдерживаемый, яростный и слегка угрожающий огонь, который Найл однажды подметил в глазах лошади, удерживаемой перед стартовым барьером. Это наблюдение наполнило мальчика трепетным страхом: когда отец в таком настроении, могло случиться все что угодно.

Найл сменил позу, закинув левую ногу на правую, потом опять выставил правую, пытаясь определить, какое положение причиняет сейчас меньше боли.

– Вперед, – произнес он, и отец вместо ответа нажал на газ.

* * *

Найл всю жизнь, сколько себя помнил, ходил в Педиатрический амбулаторный центр острой дерматологии²⁶. Это самое жестокое и мучительное место в городе: вам не придется ходить сюда, если у вас только легкий зуд или легкая сыпь под коленками. Оно предназначено для детей, пораженных экземой с ног до головы, детей, не имевших никакой возможности спокойно спать и носить обычную одежду²⁷.

Поэтому раз в неделю Дэниел перестраивал, как он это называл, свое расписание и привозил Найла туда, в эту амбулаторию, где медсестры в колпаках и застиранных туниках смешивали ингредиенты в керамических чашечках и сочувственно цокали языками, обмазывая Найла холодной, как глина, мазью²⁸, пока он не становился похожим на маленькое привидение или какого-то актера из пантомимы²⁹, потом обертывали его, с пяток до шеи, мягкими клейкими бинтами. Облегчение могло продлиться целый день, если вести себя осторожно и если Найл умудрится не сдвинуть эти бинты.

---

²⁴ Медсестре в амбулатории? Или матери Найла? Неясно.

²⁵ Найл не способен так настраиваться на других людей, за исключением, возможно, Фебы, но она не считается, потому что ей всего шесть лет и она постоянно говорит то, что думает.

²⁶ ПАЦОД для краткости.

²⁷ Прочие невозможности включают: сидеть на мягкой мебели или на ковре, играть с домашними животными, носить нижнее белье из обычных магазинов, спать где-то, кроме своей специальной кровати, ходить в гости с ночевкой или на детские праздники, снимать перчатки, принимать участие в любых спортивных играх на траве, плавать в бассейне, плавать в морской воде, есть пищу руками, трогать деревья, цветы или листья.

²⁸ Смесь из антисептической и антибактериальной мази, парафина и стероида: Найл спрашивал медсестер, и они все рассказали ему.

²⁹ Такие актеры выступают на темном фоне; Найл сам видел одного мима на фестивале искусств.

В общем, Найл любил посещать амбулаторию. Ее посещение означало двадцать четыре часа свободы от сводящего с ума, изнурительного зудящего состояния. Означало также полдня свободы от школы. Означало, что он будет сидеть рядом с Дэниелом в приемном покое, поглядывая, как Дэниел разбирает бумаги³⁰. Если отцу надо было поработать, он всегда приносил что-то интересное для Найла³¹: журнал, или книжку, или набор магнитов, или, однажды, шагомер, чтобы Найл мог пристегнуть его к ремню и ходить туда-сюда по коридору, считая, сколько понадобится шагов, чтобы добраться от автомата с напитками до лаборатории ультрафиолетового излучения.

Сегодня, правда, отец не стал разбирать бумаги. Он положил их на колени. Найл заметил половину названия на верхней странице пачки, надпись черными чернилами слегка смазана, но отец не смотрел на документы. Он сердито уставился в потолок, точно эти листы как-то обидели его, и постукивал концом маркера по зубам.

Самое трудное, как уже знал Найл, это ожидание. Сейчас 14.27, почти полчаса прошло после назначенного им времени. Приемная залита солнечным светом, и жара в ней кажется одурительной³², она размягчает пластиковые стулья, нагревает стопки журналов с выгоревшими обложками. Найл присел возле стола, пытаясь запустить гироскоп, который сегодня принес ему Дэниел, но это раскрученное блестящее устройство выскальзывало из его рук из-за белых перчаток.

В дверях появилась медсестра, на фоне бежевых стен кабинета видна голубая колонка хирургической обработки рук, медсестра пробежала пальцем по списку имен в ее планшете.

Скоро Найл пойдет в операционную, буквально через мгновение. Сейчас она назовет его имя, он уверен³³. Он смотрит на ее губы, которые готовы произнести начальный звук «Н»; он видит, как она вздыхает. Сейчас будет его очередь, он знает это.

Медсестра произносит имя.

Но не его³⁴.

Найл сжал скованные перчатками пальцы – ногти всегда коротко острижены, подпилены до самой кожи – и сделал глубокий вдох, как пловец при виде огромной волны, как путешественник, узнавший, сколько еще много миль впереди. Он осознал, какое разочарование испытала его кожа, ее поверхность, его внешний слой, волна жара прошла между одеждой и той внутренней частью, которую он считал «самим собой».

Зуд, боль, пот, воспаление, краснота, безумие, отвлекающие недомогания: все это не его. Они посторонние захватчики. Существует он сам и отдельно его состояние. Это два бытия, вынужденных жить в одном теле.

Часы показывают 14.36. Найл сглотнул слюну, прижал обрезанные ногти к ладони, и через защитный хлопок перчаток ощутил их возможности, их силу. Очередные полчаса, может, и больше.

Он вновь вздохнул, откинул волосы с глаз, попытался сосредоточиться на гироскопе, но не смог отрешиться от жгучих, палящих ощущений на внутренней стороне руки, между лопатками; шею и лодыжки, казалось, сдавливал раскаленный жгут.

---

³⁰ Написанные его студентами в Беркли. Дэниел говорит, что большинство из них не улавливают даже основ построения фраз, но что среди кучи булыжников всегда находится случайный алмаз. Ради этого, как он говорил Найлу, я там и работаю. Алмаз? Найл спросил. Редкий, достойный огранки алмаз, пояснил Дэниел.

³¹ Хорошие черты Дэниела. № 3.

³² Слишком жаркое отопление, один из источников ухудшения состояния экземы. Другие источники включают: пыль, чистящие средства, стиральные порошки, чувственное раздражение, орехи и все продукты с орехами, яйца, молочные продукты, соя, духи и одеколоны, мука, травы, почва, песок, пыльца, слюна, латекс, шерсть, синтетические ткани, краски, клей, листья, семена, посевы, древесный дым, бензин, войлок, моллюски, одежные швы, одежные ярлычки, одежные украшения, хлориновые ткани, нитки из полиэстера, мягкие игрушки, веревки, растопка, пластиковые столовые приборы, эластик.

³³ Найл читал о методах управления сознанием. Здесь он проверяет их действие.

³⁴ Он решает отказаться от всех опытов по управлению сознанием.

Дверь в процедурный кабинет закрылась со щелчком, пропустив другую семью (маму, папу и девочку, еще младше Фебы, с кровоточащей, покрытой рубцами кожей, не такой страшной, как у него). И они с отцом остались в приемной одни.

Внезапно он осознал, что рядом с ним что-то стремительно переместилось. Отец вскочил со стула. Кажется, он бросился вперед, специально разбрасывая бумаги, куртки и очки. Все силы, разочарования и ярости, которые, как понимал Найл, отец сдерживал скрученными в глубине себя, видимо, готовы вырваться на волю, и Найл затрепетал от страха. Он вздрогнул, отклонившись в сторону.

– Папа? Папа? – произнес он, даже не сознавая, что эти слова вырвались у него, ведь он отлично знал, с тех пор как сел в машину и даже раньше, что все это копилось в отце. Найл не знал, что намерен делать отец – в такие моменты он не понимал его, – но знал точно, что это будет плохо.

– Папа! – шепотом воскликнул он, надеясь отвлечь отца на себя.

Но Дэниел проскочил мимо журнального столика, мимо журналов с потрепанными уголками и брошюр с рекламой обезболивающих и безопасных очищающих средств, мимо ненавистных игрушек в пластиковых ящиках. Он пересек комнату за два широких шага, достиг противоположной стены, замер лишь на мгновение, чтобы выхватить ручку из кармана пиджака, и тогда Найл догадался, что надумал сделать Дэниел.

– Папа, – сказал Найл, – не надо... пожалуйста, не надо. Нет. Нельзя. Пожалуйста. Папа?

Но его не слышали. На самом деле Найл и не надеялся быть услышанным. Когда отец в таком настроении, до него ничего не доходит³⁵, он не восприимчив к мольбам, доводам, требованиям, просьбам. Папа взмахнул рукой, держа маркер, точно кинжал, и с невнятным ворчанием начал перечеркивать дерматологические рекламные проспекты, один за другим.

– Я не могу, – произнес он сквозь стиснутые зубы, – смотреть на это вранье ни секунды больше. Этот день настал, друзья. Пора сказать немного правды.

Найл даже не представлял, к кому обращался отец, к этим рекламным буклетам или к людям в них. Но какая, в сущности, разница? Папа всегда ненавидел такие плакаты: они приводили его в ярость. Они покрывали практически целую стену приемной и представляли улыбающихся детей, играющих в натуральном хлопковом белье, или в одежде с уплотненными швами, или в защитных митенках на длинной ленте, спускающейся с шеи. Отца разъярило то, что кожа всех этих рекламных героев идеальна: бледная, гладкая, чистая, умиротворенная. Они прыгают на кроватях в длинных пижамах, они сцепляют свои защищенные перчатками руки и упираются в них подбородком, они резвятся на газонах, очевидно не осознавая, что их нарядили в своеобразные, застегнутые на спине детские смиренные рубашки, от которых им не удастся избавиться самостоятельно, без помощи взрослых.

– Я хочу сказать, – произнес отец, пририсовывая смеющейся девочке очажки воспаления на лице и шее, – трудно ли найти рекламную модель с настоящей экземой? Показать ребенка, который действительно нуждается в этих изделиях? – Он перешел к детям на газоне, пририсовав на их ногах участки сыпи и стафилококковых язвочек³⁶. – Вместо этого они оскорбляют нас, подразумевая, что такое состояние нефотогенично, неприятно на вид. Лицемерие самого гнусного толка. Почему только мы, на всем белом свете, вынуждены смотреть на это дерьмо?

Работая быстро, он сосредоточенно разрисовывал рекламные постеры, один за другим. Методично и неуклонно он продвигался вдоль стены слева направо. На торсе мальчика с

---

³⁵ Мама называет это «глухим импульс-контролем Дэниела». Найл понятия не имеет, что это значит.

³⁶ Еще более серьезный результат расчесывания: если кожный покров нарушен, то в ранки попадают натуральные, живущие на теле бактерии, размножаются, и тогда экзема становится зараженной. И нет никакого удовольствия в таком состоянии и его лечении, как Найл уже много раз обнаруживал.

накладными рукавами появилось отвратительное воспаление, распространяющееся до запястий; а рядом с ним, на шее и лодыжках малыша, образовались мокнувшие покраснения.

Повергнутый в ужас, Найл скованно сидел на стуле, вцепившись в свой гироскоп.

– Папа... папа... – шептал он, обращаясь к отцовской спине, опасаясь, что медсестра может услышать его, выглянуть из-за двери и увидеть увлеченную деятельность отца. Что будет, если его застанут за этим занятием? Отправят в тюрьму? Сажают ли в тюрьму за порчу больничной рекламы?

– Да? – пробасил отец, не оборачиваясь, очевидно не волнуясь о том, что кто-либо заметит его художества.

– Папа, – опять едва слышно прошептал Найл, выразительно шевеля губами, – не надо.

– Успокойся, – ответил отец, зажав зубами колпачок маркера. – Это никого не касается. Надо показать реальность.

– Пожалуйста, не надо.

Услышав шаги из коридора, его папа отступил от стены, проскочил столик и сел. Найл вдруг осознал, что вновь может дышать, только когда медсестра открыла дверь. Он оживился и выпрямился на стуле, готовый вскочить с него. Облегчение, только о нем он и мог думать. Помощь придет сейчас, она близка, уже скоро.

Однако медсестра прошла через приемную, не взглянув на них, и удалилась в коридор.

Найл почувствовал, как глаза наполнились слезами, жгучими, сдерживаемыми слезами. Руки сами по себе взлетели и начали отчаянно скрести шею, расчесывая горло. Острое ощущение запрещенного жестокого облегчения. «Да, – мысленно успокоил он себя, – я чешусь, и все тут, конечно, не следовало бы, но какое же приятное, изумительное чувство, хотя ужасно будет, когда перестану, если перестану, если смогу прекратить это почесывание.

Он слышал, как рядом с ним отец шарил по карманам, пытаясь найти лосьон или спрей, что первым попадется под руку. Потом он попытался оторвать ногти Найла от шеи, просовывая пальцы под руки мальчика, но Найл не позволял, стискивая пальцы и прижимая их к горлу, он не мог остановиться, шея охвачена огненным кольцом боли, доводящим до безумия рубиновым ожерельем, и он должен срывать его или сдирать до тех пор, пока от кожи не останется и следа, пока он не достигнет жил и костей, и, может, тогда, только тогда этот нестерпимый зуд исчезнет.

Отец и думать забыл про рекламные постеры. Найл осознал это. Папа крепко прижал его к себе. Найл почувствовал запах лосьона после бритья и мягкую ткань отцовской голубой рубашки. Отчасти это объятие, отчасти захват, удерживающий его руки. Отец пытался завладеть его ладонями, пальцами, вынудить их оторваться от шеи. Найл почувствовал отцовскую силу, но он и сам не слаб, особенно когда им овладевает такая почесуха, однако отец все-таки сильнее. Найл отчаянно сопротивлялся, брыкался и лягался. Точно в тумане он слышал собственный крик:

– Нет, нет, отпусти меня, отвяжись от меня.

– Все будет в порядке, все будет в порядке, – снова и снова повторял отец, уткнувшись носом в волосы мальчика и одновременно перемещая Найла по комнате, ногой открыл дверь в процедурную и воззвал: – Может кто-нибудь помочь нам, пожалуйста, моему сыну нужна помощь, он не может больше держаться, ни минуты, пожалуйста, может кто-нибудь помочь ему?

Бесшумно к ним подбежала медсестра.

* * *

Найл делал первые медленные шаги, с трудом передвигая негнувшиеся ноги³⁷, надо привыкнуть к тому, что все суставы замазаны, проклеены, крепко обмотаны бинтами. Он шел по процедурному кабинету, а все медсестры улыбались ему, желали здоровья. Когда он был маленьким, его обычно приводила сюда мать, и они сидели здесь только вдвоем, а когда родилась Феба, она тоже стала приходить, и Найл катал ее в коляске по коридору, пока не приглашали на процедуру. Теперь Феба уже учится в начальной школе и больше не может приходить сюда. Из-за этого она топала ножками: когда Найл возвращался домой в новых обмотках, она бросала на него взгляд и взывала:

– Почему вы не взяли меня в амбулаторию, мне так нравится там, почему я не могу ездить с вами?

Мать тоже больше не ездила с ним, она опять вернулась на работу³⁸. Найл прошагал по кабинету мимо поста медсестры и зашел в помещение с ультрафиолетовой установкой, где обычно мало людей. Если он сможет провести здесь достаточно времени, до возвращения в приемную, то отец, возможно, решит, что не стоит отправлять его обратно в школу. Он может отвезти его в космический научный центр, где они будут вместе ходить по залам, стоять под усыпанным мелкими звездами куполом планетария, и Найл будет закидывать назад голову, глядя в далекую космическую высь и чувствуя себя в безопасности в своих бинтах.

Найл проехался пару раз на лифте. Он специально медлил в коридоре. Прошелся мимо ультрафиолетовых установок, наблюдая за синими людьми, лежащими под их лучами. Он добрался до автомата с напитками, но вспомнил, что в карманах нет денег, поэтому удовольствовался фонтанчиком для питья. Подумав, что пора возвращаться к папе, он повернул обратно к приемной и уже собирался открыть дверь, когда до него донесся женский голос:

– Мне нравятся ваши художества.

Найл резко вздрогнул и отступил от двери. Ему знаком этот голос, он уверен. Он принадлежал женщине, которая приходила, как и они, по средам со своей дочерью, уже почти девушкой. Она носила женский брючный костюм, длинные волосы зачесаны на одну сторону, и ее туфли постукивали по больничному линолеуму. Она всегда приставала к папе Найла с разговорами, и порой Найлу так и хотелось сказать: «Оставьте его в покое, не видите, что ли, он работает, разбирает бумаги».

– Ради определенности³⁹, – донеслось до мальчика тихое ворчание отца, вероятно, он поглощен чтением, – кто говорит, что они мои?

– А как иначе вы поняли, о чем я говорю, если они не ваши? – опять спросил женский голос.

– А кто говорит, что я знаю, о чем вы говорите?

– Я заметила, как вы глянули на стену, когда упомянула художества...

– Какую стену?

– ...и это доказывает, что они – ваших рук дело.

Короткая пауза. Найл представил, как отец устремил на женщину пронзительный насмешливый взгляд.

– Неужели доказывает?

---

³⁷ Как астронавт, обычно думал Найл, или ковбой, только что спрыгнувший с лошади.

³⁸ К Крису, который любит есть мороженое и болтать по телефону о пассивно-агрессивных людях.

³⁹ Одна из самых любимых фраз Дэниела.

Найл разглядывал информационный стенд. Совет о защите от солнечных лучей для чувствительной кожи. Реклама антибактериальных лосьонов. Способ наложения повязок на лицо.

– Ладно, – продолжила приставания женщина, – где ваш сын?

– В процедурной.

– Он пошел туда самостоятельно?

Отец, должно быть, просто кивнул в ответ.

– Послушайте, я не собираюсь обвинять вас в причастности к изменению этих постеров. Мне просто захотелось подумать об этом. Кому захочется смотреть рекламу продукции для больных экземой, представленную детьми с охренительно безупречной кожей и...

– Не мне.

– Не вам. И не мне. И никому из нас. Браво, – заключила она, – поэтому я и высказалась.

«Охренительно» – это слово впечаталось в память Найла, как чертежная кнопка. Так говорят дети в школе. Один из учителей отправил кого-то домой на прошлой неделе за то, что тот кричал это на перемене. Ему не приходилось слышать, чтобы взрослые говорили такое слово друг другу, даже случайно оно не срывалось с их языка в обычной речи. Тишина за стеной, казалось, набухала, как тесто в духовке, и Найл не в силах больше терпеть шагнул к двери и вошел в приемную.

– А вот и ты, – сказал папа.

Женщина резко повернула голову, чтобы взглянуть на него, и надо заметить, что она находилась в очень близком соседстве с его отцом, не слишком ли близком?

– Привет! – воскликнула женщина, скаля зубы. – Похоже, тебе очень удобно и уютно в этом костюме.

Найл остановился перед отцом.

– Пойдем, – лаконично произнес он.

Отец посмотрел на него и, мельком глянув на собеседницу, начал запихивать все в портфель: бумаги, ручки, журналы. Он передал Найлу куртку, помог надеть ее, поскольку понимал, как трудно самому всунуть забинтованные руки в рукава. Найл забрал со стола гироскоп; карман оказался маловат для такой игрушки, поэтому он осторожно держал ее в руке. И вот они с отцом потащились со своими вещами к выходу и уже готовы были выйти, оказавшись практически в безопасности, когда женщина вдруг вскочила, догнала их и тронула отца за руку.

– Вы забыли, – сказала она, протянув ему очки со скрещенными хрупкими дужками.

Найл оглянулся на нее, ощущая давление ее прикосновения на своей собственной руке, словно у них с отцом имелась неврологическая связь. Он видел, как папа повернулся, выразил благодарность и взял очки, которые он вечно забывал⁴⁰, и тут Найл заметил под дужками какую-то бумажку. Клочок линованной желтой бумаги⁴¹, никогда не используемой его отцом. Он заметил также, что отец увидел этот клочок, но притворился, что не увидел. Очки нырнули в нагрудный карман пиджака, и после нескольких дополнительных благодарностей они наконец ушли.

Найл пока сам не осознавал того, насколько этот заключительный момент впечатался в его память: геометрические отражения солнечного света, проникающего через подлокотники стула и под столешницы, разворот отца навстречу этой женщине, голос, говорящий «вы забыли», клочок желтой бумаги, принятой и спрятанной отцом, жесткие края гироскопа, прижатые к слившимся с перчатками пальцам. Через какие-то несколько месяцев случится

---

⁴⁰ За прошлый год Дэниел забыл пять пар.

⁴¹ Позднее Найл поймет, что видел клочок юридического документа, и предположит, что та женщина работала в этой сфере.

невероятное, и отец исчезнет из его жизни, и они не увидят друг друга долгие годы, а мать будет говорить об отце страшные вещи, а Найл и Феба будут слушать эти ужасы и верить им, и в то же время не верить. В любом случае, отец уйдет, и в доме станет так пусто, словно его никогда там и не бывало, но иногда Найл, лежа без сна, будет представлять себе отца, придумывать его. Был ли папа в реальности? Потом он будет вспоминать тот день, когда отец извлек из кармана гироскоп, и как они вместе запусками его на столике в Педиатрическом амбулаторном центре острой дерматологии, и как он крутился в безупречной уравновешенности, стабильно посылая на стены скользящие стрелы света⁴².

---

⁴² Это конец.

Все оказалось потрясающе просто

Феба, Фримонт, Калифорния, 2010

Я торчала под трибунами вместе с остальной компанией из одиннадцатого класса, один из парней держал стеклянную бутылку с каким-то химическим веществом, оно пузырилось и как-то по-змеиному шипело, и некоторые из ребят брали ее по очереди, чтобы вдохнуть, в воздухе клубился противный и едкий химический запах, спрашивать, что это за зелье, мне не хотелось, а еще я успела пожалеть, что нацепила сегодня юбку, купленную вместе с Кейси в последние выходные. Вроде как слишком короткая, да вдобавок из какого-то скользкого материала, и мне с трудом удавалось вовремя подтягивать ее, чтобы не светить нижним бельем. Лучше бы я надела джинсовые шорты с бахромой, как у Кейси, а не эту дурацкую юбку.

С футбольного поля, где шла тренировка, доносились вопли и свист и более тихое шуршание машин с дороги. Мне понравилось это укромное местечко, отсюда люди на трибунах казались привидениями, бродившими вверх и вниз по ступеням. Призрачные тени без тел, связанных с ними. Вроде как Питер Пэн, но наоборот.

Мне бы хотелось поделиться этими мыслями с Кейси, но в ответ она, скорее всего, поднимет свои выщипанные бровки, закатит к небу янтарные глазки и скажет что-то типа: «Боже, Феба Салливан, какая же ты потусторонняя чудачка».

А вот Стелла поняла бы меня. Она откинулась бы назад, глянула вверх и в своей протяжной манере произнесла что-то типа: «А-а-г-а-а».

В очередной раз, потянув вниз подол юбки, я осознала, что Майк Леприс перестал суесться у меня под боком, на время забыв о моем существовании. Теперь его руки заняты этой шипящей стеклянной бутылкой и фонариком. Я знала, что нравлюсь Майку – его друг, Карлос, поведал об этом Диане, она передала Кейси, а Кейси доложила мне, – но у него слишком косматые брови и ноготь на большом пальце правой руки длинный и заостренный, точно коготь плотоядного хищника. Я сказала про ноготь Кейси, и она ответила: «Феба, он же играет на гитаре», – таким тоном, будто это все объясняло.

Переведя взгляд на Кейси, я заметила, что она, подавшись вперед, теребила в пальцах край футболки Криса. Она дернула за него, потом отпустила и издала взрыв смеха, а у меня в голове прозвучал совершенно невозмутимый голос Стеллы: «Если бы в наши времена еще пользовались бальными книжками⁴³, то, изящно прикрывшись ею, я сказала бы: «Фи, ну и клыча».

Не понимаю, почему я вдруг вспомнила о Стелле и почему у меня стали появляться такие странные ощущения. Точно меня разрезали посередине и я пребывала одновременно в двух своих половинах, или в голову вдруг просочились какие-то радиопомехи, или я завела себе призрака, подобного тем зрителям, следившим за игрой на трибунах, а мое реальное «я» удалилось куда-то само по себе. Раздвоение личности, как заявил мой брат, когда я поведала ему, что испытывала нечто подобное. Раздвоение – классное слово.

Майк Леприс опять уселся рядом со мной, а Крис положил указательный палец на бахрому шортиков Кейси, и хотя ее лицо изображало саму невинность, типа ничего особенного не происходит, но я заметила, как она повела глазами, уловила напряжение в уголках ее губ и в прищуре глаз, что явно показывало напряженное ожидание дальнейших поползновений. Она выглядела как наша кошка, притворявшаяся, что ее совершенно не интересует тарелочка с маслом, хотя всем ясно, что она готова к прыжку.

---

⁴³ Дамский бальный аксессуар, миниатюрная книжечка, в которую дама записывала номер танца и имена кавалеров.

Только в этом году Кейси Трент и ее компания начали приветливо улыбаться мне в коридорах. Со Стеллой я дружила с первого класса, мы стали лучшими подругами и всегда держались вместе, а потом вдруг я потеряла ее из виду, оказавшись в столовой за столом Кейси, вокруг которой вечно тусовалась куча народа, и я не смогла высмотреть, где сидела Стелла, чтобы пригласить ее за наш столик. Я вроде как потеряла ее след. Мама говорила, что она заходила к нам пару раз, хотела повидать меня, но я шлялась с Кейси, иногда мы блуждали по торговому центру или тусовались под трибунами, а потом она перестала заходить, перестала звонить. Я видела иногда в школьных коридорах ее спину, узнавала ее старый красный рюкзак, но мы больше не разговаривали. На испанском она сидела на два ряда впереди меня, но не оборачивалась и не смотрела в мою сторону. На днях я заметила, что она перестала носить сплетенную мной фенечку.

Я не понимаю, что изменилось, что, собственно, произошло. Я всегда была тощей. Обычно носила джинсы и свободные рубашки: мы со Стеллой покупали одинаковые, мне – в синюю полоску, ей – в желтую.

– Значение женских буферов слишком переоценивают, – заметила однажды в бассейне Стелла. Мы стояли вместе в душевой кабинке, и она, закрыв ладонями свои груди, приподняла их и свела вместе, изобразив декольте одного из ее театральных нарядов. – Они только мешают, – заявила она.

«Вот катится плоская Плюшка Салливан», – однажды крикнул мне на математике Майк Леприс. Неужели с тех пор прошло всего два года? И потом, прошлым летом, совершенно неожиданно, буквально за ночь, мои груди резко выросли. Два таких холмика, тяжелые, как пузыри с водой, появились на моей тощей грудной клетке.

– Ты что, подкладываешь что-то себе в бюстгальтер? – спросила мама как-то утром, прищурив глаза, как всегда делала, когда пыталась подловить меня на обмане. Ответив отрицательно, я покраснела, а она строго посмотрела на меня, на мою грудь.

– О господи! – наконец выдала она. – Ладно, подбери себе что-нибудь по размеру, нельзя, чтобы они так болтались.

Именно Стелла отвела меня в один магазинчик. Дама с сантиметром, сопроводив меня в примерочную, сказала, что тут нечего смущаться. Стелла разговаривала с ней по-польски, пока я примеряла бюстгальтеры. А через неделю начались школьные занятия, и тогда-то я и потеряла Стеллу из виду.

* * *

Майк Леприс вывел меня из задумчивости. Обняв меня за плечи, он прижал горлышко этой бутылки к моим губам и направил на нее луч фонарика. В бутылке что-то бурно пузырилось, извергая дым, как дракон, и я резко повернула голову в сторону. Мне хотелось сказать: «Отстань, я не хочу заниматься этой дурью и никогда не занималась», – но почему-то голос изменил мне, наверное, часть этого дыма уже заползла в рот, проникла в горло и обожгла его. Закашлявшись, я оттолкнула бутылку, а Майк рассмеялся, по-прежнему обнимая меня за плечи, и я почувствовала его губы на своей щеке, мокрые и упругие, они запечатлели слюнявые эллипсы на моей коже; разумеется, он ждал, что я повернусь к нему и мы сольемся в поцелуй, и, само собой разумеется, если взглянуть правде в глаза, давно пора, мне ведь уже почти семнадцать. Да, реально давно пора было попробовать вкус поцелуев, но тут перед моим мысленным взором вдруг промелькнула череда образов: его острый ноготь, его косматые брови, словно грубо намалеванные черным маркером, и то, с каким дурацким видом он твердил свое дурацкое, придуманное для меня прозвище Плюшка Салливан, и палец Криса на бахроме шортиков Кейси, и ее кудрявая шевелюра, которую она каждую ночь завивала на бигуди... И внезапно, словно опомнившись, я вскочила на ноги – юбка с шелестом опу-

стилась, словно оживая от новой встречи с гравитацией, – и, закинув сумку на плечо, пошла к выходу из этого душного укрытия, стремясь вырваться из полосатого полусвета, за спиной слышались оклики, кто-то заливался дурным смехом, что-то кричал Майк Леприс, не «Плюшка Салливан», что-то другое, и Кейси звала меня по имени, но я не остановилась.

Такое ощущение, будто я лишилась части головы. В моем черепе, казалось, свистел ветер, выдувая сквозняком все мысли. Я ощупала рукой голову, проверив, все ли на месте. Вроде все в порядке. Я рассеянно провела рукой по скулам, волосам, изгибаю ушной раковины. На редкость странное ощущение. Осторожно покачав головой, я замерла, испугавшись, что мой мозг выкатится и смачно шлепнется на землю.

Я прошла мимо смутно знакомого парня, он стоял за дверью спортзала и крутил баскетбольный мяч на тонком смуглом пальце. Он отлично смотрелся там, мяч крутился и покачивался в косом луче солнечного света. Парню просто хотелось крутить мяч, и у него здорово получалось. Остановившись, я следила за движением мяча, воспринимая его как чудесное самостоятельное вращение, совершенно не связанное с точкой опоры, это зрелище показалось мне невероятно изумительным, и я рассмеялась, захлопав в ладоши. Парень обернулся и удивленно глянул на меня, и я поняла его изумление, поскольку теперь считалась популярной девушкой, одной из недостижимых красоток, и мне не следовало по жизни обращать на него внимание. Строго говоря, мне следовало просто пройти мимо, словно его не существовало.

– Привет, Феба Салливан, – сказал он, хвастливо поднимая и опуская руку, но не уронив мяча.

Мне хотелось спросить: «Откуда ты знаешь мое имя?» – но я промолчала и, улыбнувшись ему, прошла дальше.

* * *

На автостоянке я заметила девушку, похожую на Стеллу. Одетую в один из тех джинсовых прикидов, которые мы с ней обычно покупали, если обнаруживали в винтажных магазинах, и я уже подзабыла волнение, испытываемое при виде таких нарядов на вешалках. На некоторых из них обнаруживался именной бейдж на лацкане, и нам казалось жутко забавным носить шмотки с чужим именем. Помню, я нашла джинсовку с именем «Рэнди»⁴⁴, и мы еле выбрались из примерочных, едва не падая от хохота.

Да, это точно Стелла. Рукава куртки завязаны на талии, а выше – красная блузка, так мы обычно их и носили. Она подкрасила кончики волос яркими синими перьями, заметными даже издали. Она стояла около ступеней школьного крыльца, разговаривая с парнем, и это представилось мне наилучшим случаем. Я направилась к ней, собираясь сказать: «Стел, где ты пропадала, как я умудрилась потерять тебя, давай прогуляемся, если ты не против?»

И вдруг я осознала, что ее собеседник – мой брат. Найл стоял на парковочном месте, скрестив на груди руки, с ключами на пальце. Его волосы стояли торчком, как обычно, словно их недавно прошило электрическим током. Мне захотелось раскинуть руки и броситься к ним навстречу. Передо мной стояли два моих самых любимых человека в мире.

На подходе я увидела, как Стелла повернулась и заметила меня. Она повернулась обратно к Найлу и наверняка заявила ему: «Мне пора».

Так она обычно заканчивала телефонные разговоры, постоянно, и вообще любые разговоры и уроки. Мне пора. Можно было провести со Стеллой целый день за долгими, праздными беседами, а потом она вдруг произносила два этих коротких слова, и все заканчивалось, она уходила. Раньше я поддразнивала ее из-за этого. «Ты хочешь сказать: «Мне пора» –

---

⁴⁴ Помимо обычного имени, в переводе с английского слово «gandy» означает бродяга, ведьма, вертихвостка и тп.

не так ли?» – могла я спросить в момент молчаливой паузы. «Точно, – отвечала она, – мне пора». И она исчезала. Конец связи.

Итак, Стелла подняла глаза на моего брата – она по-прежнему коротышка, несмотря на толстую платформу – ее росточек всего пять футов и два дюйма⁴⁵ («И все благодаря генам моей восточноевропейской бабушки», – обычно жаловалась она), – и заявив: «Мне пора», – отвалила, даже не оглянувшись в мою сторону.

* * *

Поправив очки на носу, Найл похлопал себя по сгибу локтя, как обычно поступал, если ему хотелось почесать руку.

– Что ты тут делаешь? – спросила я его.

– Заехал за тобой, – ответил он.

У моего брата особая укороченная манера разговора, он опускает слова, которые другие могли бы считать обязательными. Однажды я спросила его, почему ему не нравятся препозиции, и он задумчиво уточнил, что, в сущности, я имела в виду всего лишь личные местоимения. Так называются коротенькие слова, типа «я», «ты», «мы». И с тех пор я навсегда запомнила, что такое личные местоимения.

Подойдя ближе, я обняла его, вообще-то он не любит объятий, но к моим относится нормально. Мой брат также окружен особой атмосферой со своеобразными запахами: бумаги, компьютеров, хлопка, успокаивающих мазей, гренок, травяных лосьонов и чаев и незаконных помещений. Мой брат окружен атмосферой напряженной работы. Его аура включает также изрядные умственные способности, ночные бдения, просвещенность, преданность и порой, на мой взгляд, одиночество. Хотя с последним он вряд ли согласился бы. Брат окончил среднюю школу на год раньше обычного с высочайшим рейтингом за всю историю. Он слыл легендой среди персонала нашей школы. Некоторые из здешних учителей до сих пор не могут опомниться из-за его ухода.

Найл отвел мои волосы от своего лица. Когда мы были маленькими, у нас с ним были совершенно одинаковые волосы, медно-рыжие и кудрявые, волосы наших предков из ирландского графства Керри, но его кудри успели потемнеть почти до каштанового оттенка, а я последнее время подкрашивалась в блондинку.

Он отстранился и пристально посмотрел на меня, завладев моими руками. Может, он почувствовал дымный запах того наркотика или какой-то химии? Может ли Найл знать, как пахнут наркотики?

– Прокатимся? – предложил он.

* * *

Машина неслась вдоль песчаной косы Тихого океана, по так называемому Мишн-бульвару, я опустила окно и, вдавив голову в спинку кресла, предоставила ветру возможность играть с моими волосами. И он наигрался по полной программе:

вышвыривал боковые пряди за окно;

вскидывал верхние пряди и отбрасывал их назад;

бросал мелкие пряди мне в лицо, прилепляя их к блеску на губах;

---

⁴⁵ 157,5 см.

поддерживал правую сторону моих волос в непрерывном круговом вихре, словно между нами с Найлом устроилась незримая особа, накручивающая их на свой призрачный палец.

* * *

Я вставила в магнитолу компакт-диск. Да, мой брат, единственный из известных мне людей, не достигших тридцатника, который еще пользуется компакт-дисками. В машине Найла вам обеспечена музыка, которую вы в жизни не слышали.

Естественно, салон заполнился странной какофонией громких звуков, похожих скорее на вой, чем на пение. Создавалось впечатление, что какой-то идиот записал на диск тихий скулеж и вой множества женщин, и на их фоне кто-то выбивал ритмы рока палочками и резкими звонами каких-то колокольчиков.

– Найл, – не выдержала я, – что за хренотень?

Найл продолжал сосредоточенно смотреть на дорогу. Мой брат – умнейший из известных мне людей, но он предпочитал не заниматься двумя делами одновременно.

– Монгольское горловое пение, – пояснил он.

– Горловое пение? Неужели это, типа, реальные голоса или ты просто выдумываешь?

– О, чисто реальные. Послушай.

Мы послушали. Голоса женщин достигли крещендо – оргазма, как пояснил Найл, без тени иронии, – а парни на заднем плане продолжали упорно отбивать четкие ритмы, и мне вдруг захотелось, чтобы никогда не кончалась эта прогулка на машине с моим братом и ветром и этими горловыми певицами с Маврикия или откуда угодно.

Мой брат самый невозмутимый и крутой из моих знакомых. Хотя он даже не пытается изображать невозмутимую крутизну. Это как раз и делает его самым крутым; это сущность его неподражаемой невозмутимости. Но его крутизна не имела ничего общего с тупым школьным пониманием крутизны. Он выше этого. Он носил футболку с эмблемой ярмарки студенческих научных проектов, хотя она ему слегка маловата, а его шевелюра вечно стояла торчком, словно шар, и он понятия не имел о новых фильмах или новых веяниях моды на кроссовки. По возможности в выходные я жила у него, и когда вернулась из последней поездки, Кейси заявила в столовой, что я провела выходные в гостях у брата, аспиранта, в университете Беркли, и все тут же навалилось на меня, спрашивая, водил ли он меня на крутые тусовки, видела ли я их общагу, была ли там пивная бочка, все ли деньги я спустила на выпивку и «замутила» ли с кем-нибудь из пылких приятелей моего брата?

Я не стала рассказывать, что, когда приехала к брату, он выглядел чертовски взвинченным, поскольку услышал, что ожидается геофизическая активность. Я умолчала о том, что мы с братом провели ночь в его лаборатории, что он раскатал мне спальник прямо под письменным столом и что я засыпала, глядя на мерцающие стрелки сейсмографов, а мой разволновавшийся брат и вовсе не мог спать, да еще разбудил меня в три часа ночи, желая показать мне те сотрясения, что зарегистрировали приборы.

– Смотри, – сказал он, – смотри внимательно. Разве это не прекрасно?

Вот что мой братец находит прекрасным: каракули самописца сейсмографа. И вот как я провела отличные выходные в Беркли: глядя на показатели приборов в лаборатории. Таков самый неподражаемый человек на этой планете: мой брат, сейсмолог.

– Итак, – сказал Найл, остановившись на красный свет, – что с тобой происходит?

Я отбросила волосы с лица.

– О чем ты? – уточнила я. – Ничего со мной не происходит. Ты что, разговаривал с мамой? Что она тебе наговорила? Неужели ты...

Найл, следя за дорогой, глянул в зеркало заднего вида.

– Редко говорю с мамой, сама знаешь. А что лично меня беспокоит, так это следующие пункты, – и он начал поочередно загибать пальцы, перечисляя (он всегда любил математическую точность, таков уж мой брат), – твоя одежда, ты и Стелла, и тот факт, что сейчас от тебя несет метамфетаминами.

Мне едва удавалось сдерживать слезы. «Не надо, – мысленно взмолилась я, – пожалуйста, не надо».

– Но что плохого в моей одежде? – вскрикнула я, покраснев, и опустила руки, чтобы подтянуть подол.

– Ты сейчас под кайфом? – спросил он все тем же равнодушным тоном.

В салоне повисло тягостное молчание.

– Феба, – произнес он, и я потрясенно прислушалась к нему, сознавая, что обычно он не пользовался именами, – тебе не надо подсаживаться на химию, серьезно, не надо, ты...

– Как ты... – Я начала плакать, мне показалась невыносимой уже одна мысль о том, что Найл может разочароваться во мне: это было бы хуже всего на свете. – Как ты узнал? То есть...

– Я знаю, понятно? – отрезал он. – Он воняет. Ты вся провоняла.

– Я не знаю, что это было, – всхлипнув, провыла я. Слезы и сопли текли по моей физиономии, и, с трудом подавляя рыдания, я пробурчала: – Я не знаю, что это было. И я не дышала этой дрянью по-настоящему. Один парень сунул мне под нос ту бутылку, но я отвернулась, хотя, видимо, немного могло просочиться мне в горло. Я никогда больше не буду делать этого, обещаю. Я обещаю, Найл.

– С хорошенькой компанией ты связалась. Тебе необходимо держаться подальше от этого дерьма. И от того парня, кем бы он ни был. Ты даже не знаешь, что это была за отравка. Можно подумать, что так весело разок поймать кайф, но ты хоть понимаешь, где этот кайф заканчивается?

– Где? – еле слышно спросила я.

– В дурдоме, где ты будешь лежать годами, пускать слюни в смиренной рубашке и мочиться в памперсы взрослого размера.

Я рассмеялась. Не смогла удержаться.

– Памперсы взрослого размера? У вас живое воображение, мистер Салливан.

Найл повернулся ко мне:

– Ты возражаешь против существования памперсов взрослых размеров?

– Не знаю, при чем тут «возражаю», но держу пари, что их не существует.

Взгляд Найла вернулся к дороге.

– Вот-вот, – произнес он. – Это лишь показывает, как мало ты знаешь.

– С каких это пор ты так много знаешь о недержании у взрослых?

Найл свернул налево и заехал на стоянку возле кафе. Дернув ручной тормоз, он отстегнул ремень безопасности. Запустив пятерню в волосы, он прочесал их и склонился к рулю, будто совершенно забыв обо мне.

– Послушай, – начала я, коснувшись его руки. – Все понятно. Тебе не о чем волноваться. Я не связывалась с этой химией и... и я не собираюсь больше тусоваться в этой компании. А мы со Стеллой, в общем, эта история...

Найл перебил меня, что-то сказав, всего несколько слов. Они словно зависли между нами, клубясь, как туча мух. Дыхание мое резко участилось, вдох-выдох, вдох-выдох, словно я пробежала стометровку. На шее под кожей нервно задергалась жилка. Мне послышалось, что Найл вроде бы сказал что-то типа: «Мне позвонил папа». Но он не мог сказать такого. Этого не может быть. Мы же никогда не видим папу. Он ушел, когда мне было шесть лет, и больше не возвращался.

Кондиционер выключился вместе с мотором, и воздух в салоне внезапно стал почти по-летнему жарким. В носу и в горле противно засвербило, вроде как при начале сенной лихорадки или еще какой-то аллергии, и я старательно обдумала эти слова, пытаясь придать им какой-то понятный смысл.

– Что... ты?... – пребывая в недоумении, с запинкой произнесла я.

– Папа звонил.

– Папа? – уточнила я с таким изумлением, словно в жизни не слышала этого слова – что отчасти было верным, как я осознала позже.

Найл кивнул и, повернувшись, взглянул на меня.

– Ты имеешь в виду... – я испытующе посмотрела ему в глаза, силясь понять, – ты имеешь в виду... Что ты имеешь в виду? Папа, то есть... один из наших отчимов?

– То есть наш отец.

– Наш отец? – повторила я и невольно разразилась смехом, опасаясь, что вот-вот начну молиться, как наша бабушка перед едой, чем она всегда выводила нашу мать из себя: она начинает закатывать глаза и вздыхать, а бабуля, даже не останавливаясь, продолжала бубнить слова молитвы, пока мама нервно постукивала пальцами и смотрела в окно. Я разразилась смехом, но совсем не веселым: в нем звучала горечь и злость.

Найл вздохнул и снял очки. Без них его лицо выглядело ранимым, неопределенным, почти детским. Он провел пальцами по коже под глазами, и внезапно я заметила, что его пальцы и запястья покрылись красными пятнами. Экзема вновь разыгралась не на шутку, завладев его кожей, точно вражеская армия, и при виде этого сказанные им сейчас слова проникли в меня, точно вода в песок, и осели в животе ледяной влагой.

– Он звонил тебе? – повторила я. – Как?... То есть когда?

– Сегодня. Сегодня утром. Он сказал, что впервые за много лет прилетел в Штаты, в Нью-Йорк, и решил, не раздумывая, ехать сюда к нам.

Я отвернулась от Найла и уставилась в ветровое стекло. Женщина с велосипедом переходит дорогу. Белый велосипед и его вращающиеся спицы блестят на солнце. Какой простой, какой прекрасной кажется мне ее жизнь: кататься на велосипеде солнечным днем в желтом платье.

– Зачем? – точно в тумане услышала я собственный голос.

– Повидать нас.

Женщина с белым велосипедом перешла на другую сторону дороги. Я заметила около руля корзинку с собачкой. Она глазела по сторонам, высунув язык и наострив ушки. Меня охватило острое желание оказаться на месте этой женщины. Мне захотелось такой же, как у нее, жизни, ее платья, ее собачки. Захотелось стать взрослой тридцатилетней дамой, кататься на велике с корзинкой – для таких корзин точно есть какое-то специальное определение, – крутить педали, возвращаясь в квартиру с длинными белыми шторами, вазами с цветами и любящим мужем. Захотелось испытать восторг от всего этого, захотелось обрести эту радость безопасной и недостижимой зрелости.

– Когда? – спросила я, и одновременно в голове всплыло слово «плетеная», точно ход моих мыслей, поблуждав по закоулкам памяти, нашел нужную информацию. «Плетеная корзина, – с облегчением подумала я, – их называются плетеными».

Найл протер очки краешком своей слишком маленькой футболки. И опять нацепив их на нос, подтолкнул повыше. Он кивнул головой в сторону кафе за окном машины, и я начала понимать, предугадывать ситуацию, поэтому мне уже почти не обязательно было слышать его ответ:

– Сейчас.

* * *

Все оказалось потрясающе просто: мы с Найлом сели за стол напротив какого-то мужчины.

Мы выбрали эти места, точно по уговору, хотя ни о чем не договаривались. Ни одному из нас не хотелось садиться рядом с ним. Уж это мы оба понимали.

Поэтому мы сидели рядом, на стульях, глядя на этого человека.

Этот человек – наш отец.

Он заказал кофе – в итальянском стиле – в крошечной чашке. Кофе напоминал густое черное варево, но от него исходил таинственный и приятный аромат. Найл заказал травяной чай, такой уж он оригинал. Какой-то цветочный сорт, не ягодный: он говорил, что ягодные чаи это мерзость, одно из моих любимых слов Найла. Брат вытащил чайный пакетик, и в кружке остался такой слабо окрашенный напиток, что едва ли его можно назвать чаем. Я уже упоминала, что мой брат самый неподражаемый субъект на всем белом свете?

Я предпочла содовую, безо льда.

Этот мужчина, мой отец, спросил Найла про Беркли, Найл ответил своими обрубленными фразами, и этот человек, наш отец, видимо, подумал, что заслужил такие резкие ответы, а мне захотелось пояснить: «Все нормально, он всегда так говорит, не только с вами».

– Значит, ты ходишь по тому подземному переходу? Там ведь, по-моему, ваша лаборатория? – спросил мужчина, на самом деле он был так похож на Найла, что мои мысли улетели в какой-то нереальный мир. Это было первое, что я подумала, войдя в кафе: «Вон сидит мужчина, похожий на пожилого Найла». Потом я осознала, что именно с ним, с этим человеком, мы пришли повидаться. Тормозная, глупая Феба. У него так же, в двадцать разных сторон, растут волосы, и брови тоже нависают над глазами, которые иногда выглядят пыльными, а в иные моменты совершенно озадаченными, даже руки у них одинаковые. Широкие плоские ногти и большие бугристые костяшки пальцев. При взгляде на них у меня возникло ощущение, что я смотрю в своеобразный удаляющий телескоп на что-то очень далекое, почти неразличимое. Мне виделась эта рука в моей руке, вот только сама я еще очень маленькая, и мне приходится тянуться, чтобы достать до этой ладони, теплой и большой, и моя ручка скрывается в ней полностью, и мои ноги в синих детских туфельках с ремешком-перемычкой, и я почему-то знаю, что они еще совсем новые, и мне велено поставить их носки ровно рядом с краем пешеходной дорожки и ждать, вечно ждать, пока папа не скажет, что мы можем безопасно перейти дорогу. «Проверь, проверь еще разок, – говорит он, а потом сам следит, как ты переходишь, потому как ты всегда слишком порывиста и беспечна. Эта рука накрывает мою. Странно, ведь я всегда говорила Найлу, что не могу вспомнить папу, реально не могу. Я помню мужчину, стоявшего спиной к кухонной двери, помню, как он выглядывает оттуда. Но это мог быть кто угодно. Я помню вид щетинок в раковине ванной после того, как он побрился, банный халат, висевший на крючке с задней стороны двери, портфель в прихожей, туфли, большие, как лодки, выглядывающие из-под дивана, перестук пишущей машинки из кабинета. И больше ничего.

– И это действительно на вершине разлома? – спросил он, и Найл кивнул, и внезапно, вынырнув из собственной нереальности, я почувствовала какое-то легкое струение между мужчиной и Найлом, ток воздушных волн, то накатывающих, то отступающих. Когда папа исчез из нашей жизни, Найлу было двенадцать: он общался с ним целых двенадцать лет, это много. А у меня нет никаких волн.

– Откуда вы так много знаете о Беркли? – выпалила я, и несмотря на то, что это прозвучало грубовато, он с готовностью взглянул на меня, и по напряженному, быстрому повороту я точно поняла, как его порадовало, что я нарушила молчание.

– Я много лет работал в Беркли, – сказал он, – все время, пока жил с вами, ребята.

– Вы работали в Беркли? – удивленно произнесла я.

– Угу.

– Как Найл?

– Да. – Он улыбнулся мне, он смотрел на меня такими счастливыми глазами, его взгляд блуждал по моему лицу, и внезапно меня словно окатила сокрушительная волна, непонятно только, что она породила – счастье или печаль. Вроде как смешанные чувства.

– Я никогда этого не знала, – проворчала я.

Найл помалкивал. Он просто таращился на свои руки, лежащие на коленях, таращился так пристально, словно пытался разглядеть собственный взгляд на ладонях.

– Значит, вы тоже сейсмолог? – спросила я.

– Нет, – папа сменил позу и переложил газету со стола на скамейку. – Я... – и он произнес непонятное мне слово.

– Кто?

Он повторил непонятное слово.

– А что это значит? – спросила я.

– Я изучаю язык и то, как люди используют его.

Яснее не стало, но мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я тупая, поэтому я кивнула молча. Весь наш короткий разговор Найл потирал запястье, и когда вместо ладони он начал использовать ногти, я протянула руку, чтобы остановить его, надо было иногда обязательно напоминать Найлу, чтобы он не чесался, и вдруг я увидела, что папа поступил так же.

Папа положил руку на воспаленную кожу Найла.

– По-прежнему мучаешься с этим, да? – спросил он.

Найл пожал плечами.

– Что тебе прописывают теперь?

– Как обычно.

– Что именно?

– Стероиды и обезболивающие.

– Гм-м, – папа склонил голову набок. Он мягко похлопал Найла по запястью с расцарапанной покрасневшей кожей, так же, как я видела, поступал иногда и Найл, и я удивилась, как Найл терпел это, ведь он терпеть не мог, когда трогали его кожу или даже говорили о ней.

– Все по-старому, все по-старому, – добавил он. – Ты еще наблюдаешься у Цукермана?

Найл сидел сгорбившись.

– Нет, в основном обхожусь своими силами.

– Ты еще ходишь в...

– В амбулаторный центр? – Подняв голову, Найл встретился с папиным взглядом.

Папа прекратил похлопывание. Убрал руку. Я вновь почувствовала приливную волну воспоминаний между ними.

– Ну да, – промычал он, крутя в руке кофейную чашечку и то опуская, то вынимая ложку.

– Нет, – ответил Найл, – не хожу.

Молчаливая пауза затянулась, и я задумалась, что могли бы сказать окружающие, обратив внимание на нашу троицу, могли ли они догадаться, в какой ситуации мы оказались.

– М-да, Феба, а в каком классе ты сейчас? – спросил папа. – В десятом?

– Одиннадцатом, – бросила я.

– Понятно, – произнес он, – в одиннадцатом. Ну и как тебе, нравится учиться?

– Нормально.

Очередная затяжная пауза. Найл поднял с блюдечка мокрый чайный пакетик. Несколько капель упало на стол. Найл положил пакетик обратно.

– А у тебя есть какие-то любимые предметы? – спросил папа.

Я пожалала плечами. «Как же хочется слинять отсюда», – подумала я, сомневаясь, что Найл испытывал такое же желание.

– У тебя уже есть какое-то представление о...

– Где ты был все это время? – внезапно разозлившись, крикнула я, разозлившись до чертиков.

Как он посмел просто заявиться в кафе, и расспрашивать о работе Найла и о моей учебе, и ожидать от нас ответов, и притворяться, что все нормально? Ведь именно так воспринималась эта обстановка: нормально. Да, возмутительно, сверхъестественно нормально воспринимался наш разговор с нашим папой, за исключением того, что на самом деле ситуация была абсолютно ненормальная.

– Куда ты подевался? – внезапно вырвалось у меня. – Что произошло? Как ты мог бросить нас так надолго? Почему ты не появлялся раньше?

– Не надо, – произнес Найл таким тоном, каким обычно успокаивал разлаявшуюся собаку или разозлившуюся маму, насколько я понимала, он опасался того, что именно ему придется потом успокаивать меня. Не маме, потому что мы, вероятно, ничего ей не скажем; не Стелле, потому что она не любит меня теперь; никому другому. – Не надо, – прошептал Найл, удерживая мой локоть точно чашку, – не надо.

– Все нормально, Найл. – Не теряя спокойствия, папа подался вперед и положил на стол пачку салфеток. – У вас есть полное право задать мне эти вопросы.

Я взяла эту пачку. Прижала салфетки к лицу, и мне стало легче.

– Это естественная реакция, – продолжил папа. – И у вас есть полное право кричать и злиться на меня.

Я отняла салфетки от лица, чтобы взглянуть на него.

– Я сам, бывало, кричал и злился на себя, – признался он, – фактически частенько. Дело в том, Феба, что я долго жил за границей. Но я писал вам обоим по два раза в месяц и еще на ваши дни рождения. Теперь, полагаю, вряд ли вы хоть раз... получали мои письма?

Я покачала головой. Найл уставился на свои руки; он опять начал царапать запястье всеми пятью ногтями, но на сей раз папа его не остановил.

– Я привык надеяться, что хоть одно сможет прорваться, – произнес он, словно сам себе, – хотя бы одно. Каждый год, иногда даже чаще я обращался за разрешением увидеться с вами, но мне неизменно отказывали.

Я представила себе все эти письма, тринадцать на десять получается сто тридцать. А мне и Найлу вместе получается двести шестьдесят. Интересно, что мама делала с ними. Сжигала, выбрасывала в мусорные контейнеры? Эта мысль расстроила меня еще больше, Найл продолжал терзать запястье, а папа продолжал рассказывать. Он говорил, что многие годы каждую неделю пытался увидеться с нами, но мама всегда разрушала его планы тем или иным способом. Он говорил, что истратил все деньги на судебные дела, чтобы получить больше времени для встреч с нами и в законном порядке гарантировать свидания в положенное ему время, но ничего не получилось. Перед отъездом он был уже совершенно сломлен – «сломлен и убит горем», – а потом он встретил женщину и женился на ней. Он говорил, что прилетел этим утром из Нью-Йорка специально, чтобы разыскать нас.

– Я находился в аэропорту Ньюарка – на самом деле прилетел на юбилей моего отца – и внезапно сообразил, что Найлу уже исполнился двадцать один год. Возраст совершеннолетия с юридической точки зрения. Я давно собрался предпринять очередную попытку увидеть вас. Но вот я уже прибыл в Штаты, поэтому мне оставалось просто долететь до Калифорнии, и я решил, что не уеду, пока не разыщу вас обоих. И вот мы здесь.

Он сидел спиной к буфетной стойке. Взял ложку и уставился на нее так, словно в жизни не видел ложек.

– Я никогда не отказывался от надежды увидеть вас обоих, – добавил он, очевидно обращаясь к этой самой ложке. – Не было дня, часа, минуты, когда бы я не думал о вас. И мне хотелось, чтобы вы узнали это.

Я не представляла, что мне делать с этой информацией, поэтому сделала большущий глоток содовой, и она сначала заливалась в меня спокойно, но потом застряла где-то в глубине горла, и я начала давиться и кашлять, а Найлу пришлось хлопнуть меня по спине, и он ударил слишком сильно, как обычно, не способный соразмерить применение своей силы – он вечно разбивал кружки, срывал краны, а при случае и оконные шпингалеты. Заходясь кашлем, я услышала слова Найла.

– Так где же ты сейчас живешь?

– На острове, – ответил папа, или мне послышалось.

– Где? – выдавила я. – На острове? Типа в тропиках?

– Нет, скорее это на севере.

– Этот остров?

– Страна, – в своей укороченной манере бросил Найл, – а не изолированный участок суши.

Мне вновь отчаянно захотелось плакать, я не могла понять, о чем они говорили, и Найл, по-моему, просто дразнил папу так, как обычно дразнил только меня, и я вдруг почувствовала себя обделенной, забытой, и мне жутко не нравилось, когда Найл забывал обо мне, потому что Найл – единственный, в ком я на сто процентов уверена, он никогда не оставит меня – не важно, какая я, маленькая и глупая, я уверена, что он всегда будет учитывать мои интересы – и внезапно, похоже, у меня появился совершенно новый родительский конкурент, которого я даже не помню.

– Остров, остров, – повторил папа, – вы никогда не слышали об острове?

– Разумеется, я слышала об островах! – возмутилась я. – Мне просто не...

И тут я услышала пояснение папы:

– Историческая родина Салливанов. – И тогда до меня дошло.

– Ирландия, – сказала я, и все облегченно вздохнули. – Вроде она каким-то боком связана с Англией.

Папа начал что-то объяснять, но не закончил, видимо предпочтя согласиться со мной.

– Да, – в итоге подтвердил он, – верно говоришь.

– Строго говоря, – вступил Найл, – именно боком. Ирландия обрела политическую и финансовую независимость в...

– Она граничит с Англией, – поспешно добавил папа, улыбаясь мне, и мне захотелось улыбнуться в ответ, я поняла, что он вел себя как нормальный предок, сглаживая углы между мной и Найлом, и у меня вновь появилось смутное ощущение о чем-то далеком, но очень близком и дорогом, и я догадалась, что он мог поступать так же, когда мы были детьми. И наверняка поступал.

– И ты женился? – спросила я.

Он кивнул.

– Как ее зовут?

Странно, он вроде бы задумался, но в итоге сказал:

– Клодетт.

– Француженка? – спросил Найл.

– Наполовину, – ответил папа, и тут меня осенило, что он говорил так же, как Найл, опуская слова, которые традиционно считались обязательными, и я задумалась, не у него ли Найл подхватил такой лаконичный стиль.

Еще одна мысль вдруг пронзила меня, и я напряженно вытянулась на стуле.

– А у тебя есть дети? Я имею в виду, другие дети?

– Есть, – папа вновь кивнул.

– Много?

– Двое. Мальчик и девочка.

– Как мы?

– Нет, вернее следовало бы сказать, девочка и мальчик, – с улыбкой пояснил он, – как вы, но в другом порядке.

– Как их зовут?

– Девочку зовут Марита, а малыша – Кэлвин. Хотите посмотреть фотографию?

– Да, – согласилась я, хотя вроде бы и не горела желанием.

Папа пошуровал в кармане и вытащил бумажник. Мы с Найлом склонились над столом, чтобы лучше видеть. За прозрачным пластиком в кармашке поместилась фотография целой компании. Девочка в синем платье держит за руку женщину с длинными волосами. А у нее на боку сидит малыш. Он смотрит куда-то вверх, словно что-то в небе завладело его вниманием. А девочка смотрит прямо, и мне пришло в голову, что она смотрела на папу, на мистера Дэниела Салливана, нашего отца.

Словно прочтя мои мысли, папа добавил:

– Она очень напоминает мне тебя.

– Кто? – удивилась я.

– Марита.

Я пригляделась к лицу девочки. Девочка как девочка, ничего особенного.

– Взгляните, – сказал папа, перевернув снимок, и на другой стороне в бумажнике находимся уже мы, я и Найл. В возрасте шести и двенадцати лет, мы стоим, взявшись за руки, в садике за домом. Или, вернее, я взяла Найла за руку, и он позволил мне сделать это. Да, папа прав. Я похожа на Мариту: тот же вздернутый носик, те же светло-рыжие волосы, хотя у Мариты они длиннее, а мне никогда не разрешали их отращивать. «Слишком много возни», – обычно говорила мама.

Но Найл, как обычно, витал в совершенно других облаках.

– Это твоя жена? – спросил он, показав на женщину с малышом.

Папа явно медлил с ответом.

– М-да, – подтвердил он до странности неопределенным тоном, словно не уверен, что это правильный и честный ответ.

Найл пристально взглянул на первый снимок. Он перевел взгляд на папу.

– Клодетт?.. – произнес он задумчивым, вопросительным тоном.

И вновь у меня ощущение их взаимного понимания, но на сей раз оно не расстроило меня, а вроде бы даже порадовало.

Папа загадочно склонил голову.

– Как будто... – и Найл произнес не вполне понятное мне слово, то ли «Вэлс», то ли «Уолз», то ли «Волс», да я почти и не прислушивалась. Меня не интересовала его жена, хотя она прелестна, в том тощем и богемном, европейском стиле. Я не сводила взгляда с девочки, она стояла на одной ноге, а другая была поднята, словно ей трудно было стоять. «Давай, беги, – захотелось мне сказать ей, моему маленькому двойнику за Атлантикой, – не упускай возможность».

– Кру-у-у-то, – с протяжным выдохом произнес Найл, – нормально.

**АУКЦИОННЫЙ КАТАЛОГ:
РЕЛИКВИИ КЛОДЕТТ УЭЛЛС**

19 июня 2005, Лондон

*Из частной коллекции мистера Дерека Робертса,
бывшего личного секретаря мисс Уэллс.*

Лот 1

Органайзер на 1989 год

Черная с золотом обложка, немного потертая по углам, записи на каждой странице, сделанные рукой мисс Уэллс.

Замечание для коллекционеров: в 1989 году мисс Уэллс окончила университет и переехала в Лондон. В дневнике отмечены даты последних экзаменов, прибытия в Лондон, многочисленных собеседований при приеме на работу и, в конце декабря, дата ее первой встречи с Тимо Линдстремом.

Лот 2

Винтажный платок

Шелк, темно-красная кайма, абстрактный дизайн. Заметны следы использования: выцветание одного угла. Изготовлен в начале пятидесятых, предположительно принадлежал бабушке мисс Уэллс. К лоту прилагается фотография мисс Уэллс с подвязанными этим платком волосами, сделанная в конце 1989-го или в начале 1990 года на вечеринке на одной из крыш Лондона.

Лот 3

Книга с черновиком письма Линдстрему

Некоторые буквы затерты или зачеркнуты, возможно, черновик скомкали, а потом разгладили. Текст гласит:

*(НАЧАЛО ОТРЫВКА) – «...вам легко говорить, что я смогу найти другую работу. Мне ведь нравится нынешняя, а начальство не согласно предоставить мне длительный отпуск. Порой мне кажется, что надо, не раздумывая, хватать эту золотую рыбку, но потом, под настроение, я считаю полным безумием даже то, что рассматривала возможность ухода с работы в Лондоне, ради авантюрной поездки в Швецию, где мне предложили в течение полугода сниматься в каком-то фильме, хотя я совершенно не представляю...
(КОНЕЦ ОТРЫВКА)*

Экземпляр книги «Новая поэзия», сборник, составленный и представленный А. Альваресом (издательство «Penguin Books», Лондон, 1962). Частичное выцветание страниц; заметки почерком мисс Уэллс.

Лот 4

Денежные документы

Различные документы, все датированные 1990 годом, некоторые с заметками мисс Уэллс. Включают сведения о напитках в баре Сохо, ужине в ресторане в районе Шоредич, счета за пару оранжевых кроссовок с синей отделкой из магазина в районе Ковент-Гарден, несколько билетов на метро, несколько чеков из супермаркета, в основном выбитых поздно вечером, чек из книжного магазина за «Путеводитель по Швеции» изд. 1990 года.

Лот 5

Сувенир в форме стеклянного шара с «падающим снегом» и видом Вестминстерского моста и башни Биг-Бен

Надпись по поверхности несмываемыми черными чернилами:

«В случае ностальгии разбить стекло. Тимо Л.».

Лот 6

Экземпляр книги Мэри Уолстонкрафт⁴⁶ «Письма, написанные при коротком пребывании в Швеции, Норвегии и Дании»

---

⁴⁶ Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) – британская писательница, философ и феминистка, известная также своим эссе «В защиту прав женщин».

(издание «Penguin Classics», London, 1987, без иллюстраций)

Частичная потертость и износ по углам; на форзаце надпись: «Клодетт У». Закладка на странице 156 в виде корешка посадочного талона на рейс: Лондон, Хитроу – Гетенбург, 02 марта 1990 на имя Клодетт Фрэнсин Уэллс.

На последней странице записка от Линдстрема, датированная февралем 1990 года:

Дорогая Клодетт!

Вы верно сказали вчера вечером по телефону: это большой шаг. Но это и ПРАВИЛЬНЫЙ шаг, как вы понимаете. После нашего разговора мы с Астрид обсудили ваше решение. Вы любите вашу работу, разумеется, но подумайте вот о чем: что интереснее, рекламировать фильмы или СОЗДАВАТЬ их?

Ответ вам понятен.

Астрид нашла для вас жилье, у наших друзей. Мы подумали, что вы предпочтете комнату в квартире с классной художницей, чем номер в отеле, верно?

До скорой встречи. Нас ждут ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ВРЕМЕНА. Все сольется воедино в нашем фильме. Подробнее поговорим при встрече.

Тимо

Лот 7

Наплечная сумка фирмы «Маримекко»

Набивная ткань, 100 % хлопок, с шаровидным узором лаймово-зеленого цвета, сделана в Финляндии. Частичный ущерб от солнечных лучей; мелкое повреждение шва одного ремня. Лот включает фотографию мисс Уэллс с этой сумкой на плече на острове Карингон, юго-восточная Швеция. На фотографии также представлены слева направо: Астрид Бендтсон, Тимо Линдстрем, Пиа Эклунд и неизвестный мужчина с бордертерьером.

Лот 8

Три фрагмента 8-мм киноплёнки

Фрагменты сняты Тимо Линдстремом в парке Гетенборга в 1990 году, представляют передвижение Клодетт Уэллс в голубом платье – слева направо в кадре. Вырезки из рулона киноплёнки сделаны и сохранены мисс Уэллс; законченный и выпущенный фильм предположительно утрачен. Считается, что это первая, из имеющихся в наличии, съемка Линдстрема мисс Уэллс.

Лот 9

Съемочный вариант сценария мисс Уэллс «Остров»

(оригинальное название «Ut Till ön»)

Многочисленные следы использования, частичные повреждения первой и последней страниц. На первой странице графитовым карандашом указаны инициалы «К.У.» Заметки, поправки и произвольные зарисовки, сделанные рукой мисс Уэллс: чернильной авторучкой, шариковой ручкой, красным карандашом. На последней странице следующий диалог, произошедший в процессе съемок между мисс Уэллс (К.У.) и Томом Линдстремом (Т.Л.)

(Т.Л.) – Неужели он серьезно?

(К.У.) – Так будет казаться.

(Т.Л.) – Комнатный цветок сыграет лучше, чем она.

(К.У.) – Грубо. Комнатный цветок на редкость прекрасен. Его уровня трудно достичь.

(Т.Л.) – Хотите ускользнуть?

(К.У.) – А мы не провалимся?

(Т.Л.) – Я же режиссер. Я могу делать все, что мне угодно.

(К.У.) – А ваше эго отправится с нами или вы оставите его за бортом?

(Т.Л.) – *Зачем мне оставлять его?*

(К.У.) – *Из-за его громадных размеров.*

(Т.Л.) – *Я согласен оставить его, только если вы оставите ваш сарказм.*

(К.У.) – *Чтобы оно не скучало в одиночестве?*

(Т.Л.) – *Кому-то же придется.*

(К.У.) – *Договорились. Увидимся снова в 10.*

Лот 10

Винтажное платье

Темно-синий креп с шелковыми деталями в горошек и красной отделкой из полупелюшечной ленты в утонченный рубчик. Представленное мисс Уэллс на лондонской премьере «Острова». Немного порвана подшивка; отсутствует верхняя пуговица. В лот включена фотография мисс Уэллс на премьере, рядом с ее матерью, Паскалин Лефевр, и ее братом, Лукасом Уэллсом.

Лот 11

Три журнала

Представлены интервью с мисс Уэллс, датированные 1991 годом. Экземпляры с автографами мисс Уэллс на ее фотографиях.

Лот 12

Лондонская афиша фильма «Остров» в авангардистском стиле

Следы потертости по углам и повреждение на левой стороне. На обратной стороне следующая надпись:

Прелестная К., взгляни на это чудо!

Мы с Астрид украли эту афишу вчера вечером: нас преследовал УЖАСНО разгневанный мужчина в оранжевой куртке. Славна ли она смотрелась на стенах станции «Лестерсквер»?

Целую, Т.

Лот включает оригинальный картонный тубус, в котором Линдстрем отправил плакат мисс Уэллс на парижский адрес ее матери.

Лот 13

Две почтовые открытки

Первая открытка от Линдстрема – Уэллс, отправленная из Нью-Йорка в Париж, датированная ноябрем 1991 года, с фото Глории Свенсон, снятой знаменитым Эдвардом Стайхеном⁴⁷.

Текстовое содержание:

К. – Ладно, я согласен. Конечно, идея твоей работы с другим режиссером СИЛЬНО беспокоит меня. Такой уж я идиот. Но тебе нужно сыграть в этом другом фильме. Не обращай внимания на мои безумные собственнические глупости и соглашайся. Просто договорись, чтобы ты освободилась ко времени съемок моего следующего фильма. Договорились? Целую, Т.

Вторая открытка, датированная мартом 1992 года, с женщиной в голубом платье Пабло Пикассо.

---

⁴⁷ Глория Свенсон (1899–1983) – американская актриса, продюсер, икона стиля своего времени и одна из самых ярких звезд эпохи немого кино; Эдвард Стайхен (1879–1973) – один из наиболее влиятельных мастеров фотографии XX века, знаменитый своими художественными и документальными работами.

Текстовое содержание:

К. – сценарий в настоящее время выглядит и воспринимается как эта картина Пикассо. Мелкие фрагменты ОТКАЗЫВАЮТСЯ согласовываться. До сих пор. Астрид говорит, что это хороший знак, но я не так уверен. ВСЕ ТВОИ сцены завершены, однако, и ждут тебя. Целую, Т.

Лот 14

Аудиокассета смешанного содержания

Записана для мисс Уэллс Линдстремом, датирована декабрем 1991 года. Признаки износа контейнера; небольшая трещинка на верхней крышке. Список композиций сделан почерком Линдстрема, зеленой шариковой ручкой.

Лот 15

Документация

Связана со вторым фильмом Уэллс «На закате дня» (оригинальное название «*Lors de la Clôture de la Journée*», реж. Робер Динаж, 1992), где она играет подругу человека, страдающего амнезией. Лот включает контракт, подписанный мисс Уэллс, съемочный сценарий, переписку между Артемидой Крейн, лондонским агентом мисс Уэллс, Полом Рэкманом, ее американским агентом, и режиссером данного фильма. Все письма связаны с договорными деталями. Следы кофейных пятен и потертости по углам.

Лот 16

Винтажный кожаный бювар для документов

Из вещей мисс Уэллс. Потертости по углам, поверхностные царапины, частичное выцветание задней стороны. Содержит частично использованный блокнот и различные билеты: на обратную поездку из Paris Gare de Lyon в Chambéry-Challes-les-Eaux⁴⁸, датированный 13.12.91; входной билет в Лувр, от 10.12.91, входной билет в Musées Nationaux (национальный музей) без даты; билет парижского метро, городская зона, пробитый 15.12.91.

Лот 17

Факсимильная переписка между Линдстремом и Уэллс

В общей сложности 16 листов. Страницы хранились в одной пачке, на углах и крайних страницах есть признаки износа и выцветания. Лот включает папку с узором из цветов ириса. Легкие царапины на задней стороне, несколько чернильных пятен, потрепанные ленты завязок.

Комментарий для коллекционеров: лот представляет переписку, собранную и сохраненную самой мисс Уэллс; послания от Линдстрема к Уэллс на плотной бумаге; послания от Уэллс к Линдстрему на факсимильной бумаге. Часть посланий печатные, часть рукописные.

[Линдстрем к Уэллс] 17/02/92

Прелестная К

Я не виноват в слезах Пиа. Разве она обвинила меня? Это все дело рук Пола, а он – твой агент, поэтому, в некотором смысле, это ТЫ виновата в слезах Пиа. Когда ты прилетишь в Нью-Йорк? Ты нужна нам. Почему ты скрываешься в Париже? И вообще, что уж там такого особенного в этом твоём Париже? (Астрид, которая читает это послание через мое плечо, добавляет: «помимо красоты, высокой кухни, архитектуры, истории, искусства, кино, твоей пугающей матери, стиля, языка, городских силуэтов на фоне неба, реки...» – Ладно, это все, что я позволил Астрид добавить). Итак, здесь у нас кое-что складывается. Я жду ТВОЕЙ помощи в написании сценария. Мне действительно нужна твоя

---

⁴⁸ Лионский вокзал Парижа – Шамбери-Шаль-ле-Эо.

помощь. Твоя помощь в последнем сценарии оказалась бесценной. И пожалуйста, брось нести ВЗДОР по поводу устройства на работу. У тебя есть работа. Помнишь?

Целую, Т.

[Уэллс к Линдстрему] 17/02/92

Т.

Моя мать, принявшая ваш факс, просит узнать, что именно в ней такого пугающего. Мы ждем ответа.

Целую, К.

[Линдстрем к Уэллс] 18/02/92

Что пугающего в твоей матери? ВСЕ. Сценарий проваливается в середине. Это напоминает мне кексы, которые обычно делала моя бабушка. Не знаю, что делать. КОГДА СМОЖЕШЬ ПРИЕХАТЬ?

Целую, Т.

[Уэллс к Линдстрему] 19/02/92

Т.

Кексы: если они не поднимаются, то это значит, что их недостаточно долго вымешивали. Не думаешь ли ты, что нечто подобное нужно сценариям?

Целую, К.

[Уэллс к Линдстрему] 21/02/92

Т. – жалею, что послала последний факс. Я пыталась дозвониться тебе, но не смогла. Только что говорила с Полом, по его словам, Астрид, возможно, ушла. Все ли у вас хорошо? Что случилось? Ты в порядке?

Целую, К.

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/92

К. – деловая встреча (скучная), поэтому не могу звонить (досадно). Да, Астрид ушла. Вернулась в Гетенборг. Что случилось? ТЫ, разумеется.

Целую, целую, целую, Т.

[Уэллс к Линдстрему] 21/02/92

Т., я не знаю, что сказать. Мне жаль. Целую, К.

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/ 92

Тебе жаль? Почему?

[Уэллс к Линдстрему] 21/02/ 92

Мне жаль, если я невольно стала причиной сложностей между вами с Астрид.

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/ 92

У нас с А. все закончилось в ту минуту, когда я познакомился с тобой. Мы все знаем это. Или ты имеешь в виду, что сожалеешь о нашем с А. расставании?

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/ 92

Привет, где ответ?

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/ 92

ПОЖАЛУЙСТА, не играй в молчанку со мной.

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/ 92

Клод? Опомнись...

[Линдстрем к Уэллс] 21/02/ 92

Не могу уснуть – беспокоюсь о тебе. Можешь написать мне хоть одно слово? Тогда я буду знать, что тебя не связал какой-то безумец, что ты не упала в Сену или не сбежала с бродячим цирком, или что твои волосы не запутались в лопастях фена и ты не пригвождена к месту, в мучительной боли? Я буду рад прилететь и освободить тебя, если случилась одна из напастей, но мне нужна какая-то система координат.

Целую, Т.

[Уэллс к Линдстрему] 22/02/92

В Сену не упала, цирковая жизнь никогда не соблазняла меня, волосы в порядке, хотя и хаотичном. Пожалуй, как и я, видимо. Осторожность развеяна ураганным ветром, заказала билет в Нью-Йорк. Буду с тобой завтра утром. Тогда сможем обсудить систему координат.

Целую, К.

[Линдстрем к Уэллс] 22/02/ 92

Тысяча поцелуев...

Лот 18

Вставленный в рамку оттиск с видами облачности

Название: «Wolkenformen» (Облакообразование), копия иллюстрации из учебника. Представлены виды двенадцати разных типов облаков. Дубовая рама, стекло. На поверхности есть следы царапин. В нижнем левом углу рамы имеется мелкая трещина. На обратной стороне надпись:

К., моему лучику надежды. Люблю, целую, Т.

NB⁴⁹: Клод, от «Cloud» (облако (англ. швед.) – уменьшительное имя, данное Линдстремом мисс Уэллс. Лот включает фотографию мисс Уэллс с сигаретой и собакой, сидящую в манхэттенской квартире, где она жили с Линдстремом, circa⁵⁰ 1993 год; на стене за ее спиной можно видеть этот оттиск.

Лот 19

Два фрагмента кораллов

С письменного стола Уэллс. Красный коралл-органчик (лат. *Tubipora musica*) и голубой коралл (лат. *Helipora coerulea*), оба рожденные в Индийском океане. Происхождение и значимость для мисс Уэллс неизвестны.

Лот 20

Пять дискет

Используемые Уэллс для сохранения разных черновиков сценария фильма «Когда не падал дождь», написанного ею в соавторстве с Линдстремом в 1992-м. На этикетках имеются записи, названия и исправления, сделанные почерком Уэллс.

---

⁴⁹ Сокращение от *nota bene* (лат.) – нотабене, обрати особое внимание.

⁵⁰ Приблизительно (лат.).

Лот 21

Салфетка с отпечатком губ

Отпечаток сделан самой мисс Уэллс. Из коллекции реквизита к фильму «Когда не падал дождь», съемка конца 1992-го.

Лот 22

Девять журналов

В большинстве – с фотографиями мисс Уэллс на обложках. Годы выпуска 1992–1993. Все подписаны рукой Уэллс: «Для Дерека».

Лот 23

Пепельница в форме звезды

Алюминий, производство 1940-х. Лот включает фотографию мисс Уэллс и Линдстрема перед монитором; Линдстрем обнимает Уэллс за плечи; Уэллс держит в одной руке эту пепельницу и сигарету.

Лот 24

Косметичка из вещей Уэллс

Дизайн в стиле кимоно, окантовка из золотой кожи, с чернильным пятнышком на внутренней стороне.

Содержимое: одна большая шпилька; семь маленьких шпилек; два сине-белых зажима для волос; булавка для скрепления килта; зеленый бакелитовый браслет; фигурка динозавра, пластик; брошка-бабочка, эмаль; жук в заливке из смолы; две эластичные резинки для волос; китайский браслет с эмалью; двухстворчатая раковина; одна кукольная ручка, пластик; одна пуговица, прозрачная пластмасса; одна черепаховая пуговица с четырьмя отверстиями; одна синяя пуговица с изображением якоря; одна пуговица, обшитая синим шелком с пейслийским узором.

Лот 25

Платье серого шелка

Украшено вышивкой из красного и оранжевого бисера, в этом наряде мисс Уэллс появлялась на Каннском фестивале 1993 года. Лот включает фотографии ее прибытия в просмотровый зал кинофестиваля с Линдстремом. Это было их первое официальное появление вдвоем.

Лот 26

Кеды

Набивная ткань с узором в виде красных молний, размер 39, обувь из гардероба Уэллс начала 1990-х. Частичные следы износа подошвы и верхнего текстиля. Лот включает вырванный из журнала снимок, сделанный папарацци, где мисс Уэллс в этой обуви перебегает дорогу в Нью-Йорке.

Лот 27

Поздравительная открытка

Клодетт Уэллс от ее брата, Лукаса Уэллса, датированная 12 ноября 1993-го.

На открытке изображена девочка, везущая на буксире маленького мальчика на велосипеде, на фоне Эйфелевой башни в 1943 году: «Le Remorqueur du Champ de Mars» («Буксир на Марсовом поле»), фотография Робера Дуано⁵¹. Признаки потертости и повреждений – большая складка по центру в месте сгиба.

Текст гласит:

К., сидя здесь, за Атлантикой, в безопасном мире, я испытываю совершенно нереальные волнения, наблюдая за твоей ослепительной, взрывной жизнью. Я чувствую себя почти

---

⁵¹ Робер Дуано (1912–1994) – знаменитый французский фотограф, мастер гуманистической французской фотографии.

астрономом, отслеживающим (sic)⁵² курс кометы и испытывающим лишь одну надежду, что она не разобьется с оглушительным грохотом. Пожалуйста, просто помни одно: ты можешь приехать сюда в любое время. Дом готов (вроде бы) для приема гостей. Приезжай, приезжай, приезжай. В наряде гориллы или в чем-то подобном, чтобы никто не беспокоил тебя в самолете. Может, отправишься в путь под псевдонимом?

Целую, Л.

Лот 28

Солнечные очки

Подарены Уэллс Линдстремом.

Розовая оправа, темно-коричневые линзы. В хорошем состоянии, на правой дужке царапина длиной 2 мм.

Кожаный очешник с фетровой подкладкой.

Имеются вмятины и следы использования и выцветания от солнечных лучей.

Надпись на подкладке очешника:

Сохраняй инкогнито, но не со мной. Целую, целую, целую, Т.

Лот 29

Больничный именной браслет

Красный пластик, порванный при снятии, надпись черной шариковой ручкой:

Уэллс, Клодетт Ф. 2/8/93

Также синей шариковой ручкой написан медицинский номер. NB: Различные газеты в это время распространяли слухи о том, что летом 1993 года мисс Уэллс, страдая от упадка сил, прервала киносъемку и поступила в больницу Нью-Йорка с диагнозом: истощение, вызванное стрессом.

Лот 30

Письмо в частную охранную компанию

От Линдстрема, датированное 4 декабря 1993-го, свидетельствует о том, что он хотел нанять личную охрану для Уэллс. Письмо на фирменном бланке компании «Lagom Films», кинофирма Уэллс и Линдстрема, в отсутствие Линдстрема обращение подписано личным секретарем Ленни Шнайдером. На стикере написано рукой Линдстрема:

Ленни, займись этим, но не говори К.

Ниже, почерком Уэллс, черной шариковой ручкой:

О чем не говорить мне??

---

⁵² Так, именно так (лат.) – используется для подчеркивания необычного выражения.

Что должен чувствовать слесарь

Телефонный звонок, из Калифорнии в Донегол, 2010

– Клодетт?

Она взяла трубку очень быстро, и он подумал, что она, должно быть, ждала у телефона.

– Дэниел, – то ли вздох, то ли шепот, – какого дьявола, в такое время...

Несмотря на удивление от столь сомнительного приветствия, несмотря ни на что, он вдруг осознал, что поморщился, надеясь, что дети находятся за пределами слышимости. Марита уже освоила гораздо более впечатляющий лексикон, чем следовало бы шестилетней девочке; материнские качества Клодетт он считал почти безупречными, один-единственный упрек заслуживала порой ее неспособность удержаться от сквернословия в присутствии детей. Да и то, неустанно повторял он себе, это не такой уж серьезный недостаток.

– И тебе привет, – не смутившись, ответил он. – У вас все в порядке?

Он услышал, как в трубке усилился и быстро затих звук телевизора, и в точности представил себе, что происходило в доме, где она находилась, и что делала: вышла из гостиной, где в печке потрескивали дрова, а собака разлеглась, растянувшись точно коврик перед камином, на диване сидели, обнявшись, Марита и Кэлвин. Марита, посасывая большой палец, смотрит мультфильмы. Босоногая Клодетт прошла по занозистому дощатому полу коридора в другую комнату, где сможет безнаказанно ругать его на чем свет стоит.

Внезапно его охватило такое сильное желание оказаться там с ней, что он склонил голову к уютному свету фонарного столба и скрипнул зубами.

– В порядке ли я? – уточнила она. – Ну, честно говоря, бывало и лучше. Вопрос в том, в порядке ли ты?

– У меня все отлично, – ответил он. – А что, собственно, могло случиться? Я просто звоню сообщить, что пока еще не доехал до папы. Мне пришлось в...

– Я в курсе, что ты не доехал до папы, – перебила она.

– Правда?

– Да. Мне позвонила твоя сестра и...

– Ох, – вздохнул он, испытав легкое смятение. Он тут же осознал, что ему следовало позвонить ей заранее. Следовало попытаться объяснить, какими дырами и подземными течениями осложнена его жизнь и почему вдруг у него прорвалось сильнейшее желание исправить по возможности все злосчастные ошибки прошлого.

– ...сказала, что ты просто пустился в бега. Что они чинно ждали тебя в Бруклине с праздничным ланчем, когда ты прислал какое-то бессвязное текстовое сообщение, свидетельствующее, что ты прилетел в аэропорт Ньюарка, но оказался не в состоянии в тот же день добраться до них.

– Да, это проблема, – судорожно сглотнув, признал он. – Дело в том, что я как раз собирался... Очевидно. Серьезно собирался. В общем, да, я прилетел туда, понимаешь? Но потом...

– Где ты сейчас? – спросила она таким тихим и несчастным голосом, что ему мгновенно отчаянно захотелось обнять Клодетт, нежно прижать ее голову к своему плечу.

– Во Фримонте, – пробормотал он.

– Где?

– В Калифорнии.

Резкий вдох. Он прислушался к затаенной тишине. Это мой дом, подумал он, это шум моего дома, жизни моей жены и детей. Ему захотелось наполнить этим звучанием бутылку,

заткнуть пробкой, чтобы открывать ее и принимать содержимое, как лекарство, по мере необходимости.

– Прямо из Ньюарка я пересел на рейс в Сан-Франциско.

– Но... что произошло в Нью-Йорке?

– Я прилетел туда. Я был там. И сейчас я лечу туда обратно. Прямо сейчас. Я еду в аэропорт, чтобы успеть на вечерний рейс. Празднование назначено только на завтра. У меня масса времени.

– Дэниел, что ты делаешь в Калифорнии?

– Я... – он прижал пальцы к глазам. – Я должен был... я хотел увидеть... моих детей. Моих взрослых детей. У меня появилось это внезапное... Мне хотелось попытаться наладить отношения с ними.

– Ох, – растерянно произнесла она. Это явно был не тот ответ, которого она ожидала. Безмолвная пауза. – И тебе удалось?

– Да. Я только что встречался с ними.

– Здорово, Дэниел. Чудесно. Я всегда говорила, что тебе следовало просто неожиданно заявиться к ним. Как прошла встреча?

– Она получилась... – Он умолк, мысленно пытаясь облечь в слова то, что почувствовал, увидев их после столь многолетней разлуки, когда они появились в дверях кафе и направились к его столику. Радость узнавания оттеснялась на второй план ощущением справедливости, глубинным пониманием восстановления нужной связи, вновь обретенного правильного положения. Он понял, что должен чувствовать слесарь, когда удается создать ключ, открывающий старый заржавевший замок, или композитор, нашедший ноту для гармоничного аккорда. Дети изменились, Найл и Феба, и в то же время остались прежними, и сам он, Дэниел, увидев их, исполнился безумным почти бредовым восторгом, разглядывая их волосы, руки, обувь и стиль одежды, так уникально отражавший их индивидуальности. «Ваши лица, – хотелось ему воскликнуть, – ваши знакомые черты от макушки до кончиков ногтей. Достаточно взглянуть на вас обоих...»

Через несколько лет, глухой ночью, Дэниел получит сообщение о том, что Феба погибла в результате несчастного случая, и во время похорон он вдруг осознает, что представляет ее именно такой, какой увидел в тот день, после столь долгого перерыва, в кафе, когда она сидела напротив него за столом: волосы с одной стороны заправлены за идеальное белое ушко, запястье обхватывает амулет, а колени почти касаются коленей брата.

Пока, естественно, он не знал будущего. Никто не знал. Он даже не знал, что всю оставшуюся ее жизнь раз в неделю будет получать письма на электронную почту, что их короткие встречи будут регулярными, когда она будет прилетать в Ирландию или он – в Штаты; он поведет ее в ресторан на ужин, и она сделает заказ для них обоих, и они обнаружат взаимное пристрастие к острому тайскому супу; он еще успеет купить ей нужные для колледжа книги, теплую зимнюю куртку, кожаные перчатки...

Однако пока Дэниел шел по улице Фримонта, постукивал ладонью по стене какой-то прачечной и, воскрешая недавно испытанные чувства, отвечал жене.

– Я видел их! – воскликнул он с чистейшей, ничем не омраченной радостью. – Они пришли, Клод. И они замечательны, такие же замечательные, как всегда.

– Я искренне рада за тебя. Очень, очень рада.

– Спасибо, – он вздохнул, тронутый ее поддержкой, пониманием, спокойствием. Видимо, все будет хорошо.

– Разве ты не мог рассказать мне раньше? – помолчав, спросила она.

– Ну, это дело...

– Разве не мог позвонить и сказать, почему ты не появишься в Бруклине? Разве не мог быть чуть более откровенен в единственном сообщении, которое соблаговолил оставить на телефоне твоей сестры? Разве не мог объяснить нам все заранее?

«Вот, – подумал он, – берущий за душу голос, за который готовы платить любители киноискусства».

– Дэниел, это же день рождения твоего отца. Он уже щедушный старик и надеялся увидеть тебя вчера. Я понимаю, что у вас сложная история взаимоотношений, но он не заслужил этого. Совсем не заслужил.

Возмущенное молчание протянулось между Фримонтом и Донеолом.

– Прости, – удрученно произнес Дэниел, – ты права. Мне следовало позвонить тебе. Не представляю, о чем я думал. Трудно объяснить, но отчасти я удивлен, так же как ты, что оказался...

– Речь идет еще о ком-то?

– Что?

– Кого ты еще видел?

– Клодетт... Это смехотворно.

– Неужели?

– Точно.

– А разве ты никогда не делал ничего подобного?

Он вздохнул.

– Признаю, что мои достижения в этой области далеки от совершенства, но, брось, ты же знаешь, что я не поступил бы так с тобой. Разве мог я вообще подумать о ком-то другом?

– Я не знаю, – фыркнув, ответила она.

– Брось, я не такой человек. – Ему хотелось сказать: «Уж не путаешь ли ты меня со своим бывшим?» – но он понял, что сейчас это неуместно, поэтому предпочел продолжить терпеливо убеждать ее в своей верности:

– Любимая, я клянусь тебе, что ты зря сомневаешься во мне.

– Клянись жизнью.

– Клянусь.

– И жизнью детей.

Он улыбнулся, сознавая, что она не видит его. Ему нравился ее настрой на мелодраму, ее неукротимая страсть.

– Клянусь жизнью детей.

– Ладно, – медленно и выразительно продолжила она, – знай, Дэниел Салливан: если я обнаружу, что ты обманываешь меня...

– Я не обманываю.

– ...то я отрежу тебе яйца.

– Ладно.

– Сначала одно, а потом другое.

– Впечатляет, – он невольно издал нервный смешок. – Благодарю тебя, жена моя, за это на редкость яркое и точное описание. – Он увернулся от мужчины, ведущего на поводках не меньше пяти собак, и отступил в сторону, попав ногой в сточный желоб.

– Итак, чем вы там, ребята, сегодня занимались? – спросил он, пытаясь вернуть разговор в нормальное русло. – Придумали что-нибудь особенное?

– А как же, – интригуяще ответила Клодетт, – помнишь, я говорила тебе, что хочу попытаться соорудить лебедку? Я реализовала свою задумку...

– Что-что? – Он подумал, что ослышался.

– Лебедку. Я реализовала...

– Ты сказала «лебедка»?

– Да, да, именно лебедка. Мы же говорили об этом на прошлой неделе.

– Говорили?..

– В тот вечер, когда сидели у колодца. С бутылочкой вина. Помнишь?

– Э-э... – Дэниел мысленно вернулся в недавний вечер у колодца, припоминая, что, показывая на амбар, она говорила о каких-то железяках и воротах⁵³, но реально вспомнил только то, как пытался ласкать ее в темноте. – М-да, вроде бы.

– В общем, мне удалось раздобыть хорошую веревку, достаточно крепкую, чтобы выдержать обоих детей, я имею в виду, но...

– Погоди секунду. То есть... неужели ты думала о воротах?.. – Мысли Дэниела с трудом продвигались в нужном направлении. Он понимал, что ее отчасти преувеличенная и барочно изысканная родительская забота является просто сублимацией ее творческих порывов. Таким образом она освобождалась от всей той энергии, которую когда-то выплескивала, создавая новаторские фильмы. Ей необходимо, резонно рассудил он, куда-то девать весь свой огненный, искристый запал. Но он считал недопустимым воздушные перелеты его детей с помощью самодельной лебедки.

– Не уверен, что это совершенно безопасно.

– Я не сомневалась, что ты так и скажешь, – парировала она. – Именно поэтому мы воспользовались твоим отсутствием. Еще они захотели поставить одну пьесу, знаешь ли, к твоему возвращению. Марита сделала для Кэлвина костюм единорога и...

– А есть ли хоть какой-то шанс, что действие пьесы будет происходить на твердой поверхности? К тому же, когда я вернусь, мы сможем обсудить и качества этой самой лебедки.

– И когда это будет?

– Когда будет что?

– Когда ты вернешься? – вздохнув, уточнила она.

– На следующей неделе, как планировалось. Но сейчас, когда ты упомянула об этом, я подумал...

Он замедлил шаги перед гастрономом. На прилавке высились ровные яркие пирамиды апельсинов, персиков и нектаринов. Для разрушения этой гармоничной структуры он мог бы просто извлечь один-единственный фрукт. Он представил себе, что эти фруктовые шары, как резиновые мячики, скачут вокруг ног по сточному желобу.

– О чем ты подумал? – не выдержала Клодетт.

– Что, если мне придется... – он отвернулся от витрины гастронома, подавив острое желание устроить хаос, – задержаться на денек-другой? Может, и не придется, пока неизвестно. Просто вдруг появится такой вариант? Вы нормально переживете небольшую задержку? Я понимаю, это подразумевает, что тебе придется немного дольше справляться одной с детьми, но зато у вас будет больше времени для репетиций буффонады с единорогом, и вам не будет...

– Ты подумываешь провести больше времени с родней?

– Гм-м, – задумчиво произнес он, – не совсем.

– Не понимаю, – подозрительно сказала Клодетт. – Где ты собираешься задержаться на эту пару дней?

– Дело в том, что... – начал он, понимая, что это бессознательное решение, понимая, что именно в этот момент оно пытается заявить о себе, навязываясь ему самому, понимая, что сама жизнь вынуждает к этому, или, вернее, его прошлая жизнь. – Дело в том, что... – повторил он, – мне, видимо, понадобится кое-что выяснить. Просто разобраться в одном

---

⁵³ Ворот – простейший механизм, предназначенный для создания тягового усилия на канате (тросе, веревке). В более широком смысле воротом называют рычаг (для создания крутящего момента), совершающий при работе полный оборот.

совсем небольшом дельце. Уже после возвращения. С папой я, конечно, увижусь, но сейчас мне просто пришло в голову, что я мог бы поменять билет и на обратном пути заехать в Лондон. Мне может понадобится лишний денек или около того, поскольку дело невелико, но мне надо бы выяснить один важный момент. Мне хотелось заранее обговорить такой вариант с тобой. Всего пара дней. От силы три дня. Трудно сказать наверняка.

Последовала пауза.

– Трудно сказать? – повторила она.

– Да.

– Могу я спросить, в чем, собственно, дело?

– Это очень... – Дэниел попытался подобрать верное слово, точное определение. Как передать Клодетт тот жуткий страх, даже молекуле которого за двадцать с лишним лет не удалось просочиться в его жизнь? Ведь так он и воспринимал этот страх, как своеобразную газообразную отраву, закупоренную в бутылку, запечатанную и никогда не вскрываемую. – Это сложно, Клод. Слишком сложно объяснить по телефону. Но мне может понадобится найти одного человека, чтобы выяснить важный вопрос.

– Кого?

– Ты не знаешь. Одного человека, с которым мы дружили в колледже.

– Черт возьми, Дэниел, – возмущенно крикнула она. – Это связано с женщиной, верно? Ты только что поклялся мне жизнью детей, что...

– Да нет же, это парень! – заорал Дэниел, напугав пару, попивающую кофе за столиком в нескольких шагах от него. – Это парень, зовут его Тодд, понятно? Я познакомился с ним в тот год, когда учился в Англии, и мне просто подумалось, что только у него я смогу выяснить кое-что.

– Что? Что тебе понадобилось выяснять у него?

Дэниел быстро вспомнил подробности, оценивая трудность ситуации. Сумеет ли он объяснить все по телефону? Сумеет ли дать достаточно краткое описание той жуткой проблемы? Сумеет ли углубиться в детали того, что произошло так давно или что могло произойти? Он даже не помнит, упоминал ли когда-то имя Николь в разговорах с Клодетт.

– Я уже говорил, – повторил он, – это очень сложно объяснить.

– Все-таки попытайся, – настойчиво попросила Клодетт, – а я попытаюсь задействовать все свои скудные мозговые ресурсы.

– Клод, – пробормотал он, – не надо. Не надо настаивать. Прошу, просто поверь мне, ладно? Ты же знаешь, что можешь доверять мне. Это лишь вопрос двух или трех дней, надо только заехать в Суссекс, а потом я поеду прямо домой, и все...

– Суссекс? Почему именно в Суссекс?

– Там живет Тодд. Разве я не сказал?

– Нет, Дэниел, ты забыл упомянуть и об этом. Я не могу поверить, что ты...

– Послушай, – перебил он, – я даже не знаю пока, решусь ли я сделать это. Может, и нет, может, поеду прямо домой, но мне хотелось сначала обсудить такую возможность с тобой, а потом я уже решу, хватит ли у меня сил...

Издали до него донесся приглушенный вопросительный голос Мариты, по-французски, и хотя он не говорил на нем, но понял, что она спросила, не папа ли звонит и может ли она поговорить с ним, а Клодетт резко ответила ей: «Non, ce n'est pas Papa»⁵⁴, – и Дэниел подумал, что его сердце разобьется, прямо сейчас, прямо здесь. Он не представлял, как пережить такое.

– Тогда поезжай, – крикнула она. – Вали в свой Суссекс, встречайся там с этим «другом», о котором я никогда не слышала, увидишь, волнует ли это меня, увидишь...

---

⁵⁴ Нет, это не папа (*фр.*).

– Тебе нужно успокоиться, ладно? – произнес он, стараясь вложить в голос все оставшееся у него благоразумие. – Дети слышат все, что ты говоришь и...

На линии раздался тихий щелчок и монотонный звук обрыва связи. Клодетт отключилась.

Достаточно синевы для оптимизма

Клодетт, Нью-Йорк, 1993

Босоногая Клодетт балансировала на бортике ванны. Одной рукой держалась за подоконник, а в другой сжимала почти докуренную сигарету. Прищулив глаза, она смотрела в нью-йоркское небо – туманно лазурную гладь, прочерченную стрелами конденсационных самолетных следов, – и на струйку дыма, уплывающую в оконце из ее рта.

За вентиляционным оконцем она видела также окна ближайшей квартиры. Большинство закрывали жалюзи или шторы, но одно-единственное прямо напротив нее позволяло видеть каких-то людей, сидящих вокруг стола: две пары, несколько детей, а возле комода растянулся кот, видимо, погруженный в сон. Клодетт смотрела, как движутся их губы, руки, поднимая и опуская столовые приборы. Это напоминало просмотр съемочного материала без наушников. Одна из женщин подошла к плите, вернулась к столу и вновь удалилась. Другая метнулась с салфеткой к одному из детей. На коленях одного из мужчин сидел малыш: отец поддерживал мальчика, обхватив спереди рукой. Около лица ребенка мелькали какие-то белые пятна, и Клодетт задумчиво прикидывала, что это может быть – птички, декоративные ленточки, какие-то игрушки? Напряженно прищулив глаза и высунувшись из окна чуть дальше, она разглядела на руках ребенка белые перчатки. Пара белых перчаток, скорее подошла бы разнузданному коту в шляпе из знаменитой сказки про брата и сестру, вынужденных целый день тосковать дома⁵⁵.

---

⁵⁵ Имеется в виду знаменитая сказка «Кот в шляпе» американского писателя и мультипликатора Теодора Сьюза Гайзеля (1904–1991), так называемого Доктора Сьюза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.